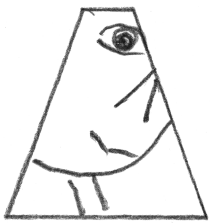

Аркадий Застырец

ОНЕЙРОКРИТИКОН

стихи разных лет

Москва

2010

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

Оформление серии Валерий Земских

Аркадий Застырец.

Онейрокритикон. — М.: «Русский Гулливер»/Центр современной литературы, 2010. —144 с.

Новая книга Аркадия Застырца — сборник стихов, как публиковавшихся ранее, так и не публиковавшихся никогда. Впервые, после четырех поэтических книг с полностью новым и оригинальным содержанием, вдохновленный возможностью нанизать стихи на тематическую нить сновидения автор выстраивает ретроспективу, соединяющую самое начало его творчества с тем, что написано буквально на днях. Знать имя поэта из Екатеринбурга Аркадия Застырца, по мнению «Русского Гулливера», для любителей поэзии просто необходимо.

ISBN 978-5-91627-035-8

© А. Застырец, 2010
© В. Месяц, предисловие, 2010
© Русский Гулливер, 2010
© Центр современной литературы, 2010

об авторе

Аркадий Застырец родился в 1959 г. в Свердловске. Окончив философский факультет УрГУ, преподавал историю и обществоведение в средней школе. Работал корреспондентом и редактором в периодических изданиях Екатеринбурга. Сегодня — редактор книжного издательства.

Застырец известен не только как поэт («Пентаграммы», «Волшебник, Отшельник и Шут», «Deus Ex Machina»; «Вихри тепла»), но и как переводчик с французского и старофранцузского (Фр. Вийон. Прощание. Завещание. Стихотворения. Екатеринбург, 1994 г.), английского, словенского. Он автор книг прозы «Я просто Пушкин» и «Materies». Его современная мистерия «Фауст навсегда» несколько лет с успехом идет на сцене Свердловского академического театра драмы, а эксцентрическая комедия «Гамлет» послужила основой либретто оперы Владимира Кобекина «Гамлет, принц датский, трагедия российская», поставленной в Театре имени К.С. Станиславского.

С творчеством Застырца можно познакомиться в Интернете: http://zastirez1.livejournal.com.

«Я СЛЫШУ ВРЕМЕНИ ИЗЛИШЕК...»

В зрелом возрасте больше всего мы грешим на то, что любили в молодости. Авторы, музыкальные ансамбли, дамы — вы вырастаем из этого — и смотрим на предметы нашего обожания свысока. Такое может происходить и со стихами старинных друзей, но правила для того и существуют, чтобы из них находились исключения. Я не вдаюсь в крайности, но стихи, полученные на днях от друга, утвердили меня в догадке, что в отечестве моем с поэзией все нормально. Стихи Аркадия Застырца застали меня врасплох, напомнили о совместной начальной поре, духовной родине, компании, в которой когда-то зарождалось то, что я пишу сегодня. Я даже не подозревал, что связи эти сохранились, и, если приглядеться, даже упрочились — пусть меня и не было в Екатеринбурге двенадцать лет. Прошлое всегда рядом: оно движется параллельно нашему движению, зачерпывает настоящее или само растворяется в нем. Идеи линейного времени я уже давно не приветствую. И чудо возвращения всегда неожиданно: на этот раз оно случилось благодаря присланным стихам и встрече с поэтом по имени Аркадий Застырец, известным мне, и неизвестным...

«Мы с тобой задремали в пути,
Отпустили нечаянно вожжи
И оставили лошадь брести
Через поле в тиши бездорожья.
...
За падением следовал взмах,
А когда накренило телегу,
Нам приснилось, что в синих плащах
Мы шагаем по первому снегу.».

Возможно, что-то подобное произошло и с нами, но в разных полях, и на разных подводах. Я очарован этими стихами — и не боюсь ностальгических вздохов. Тексты Аркадия обладают некоторым

почти забытым свойством, «щемящей трогательностью». Это несомненное достоинство родной речи прижилось когда-то с нашептанного «неужели я настоящий и действительно смерть придет» и постепенно затерялось в гуле более самоуверенных голосов. Эти пронзительности не выдумываются, а как бы наговариваются, это шепот, детский шепот. Творчество Застырца на такие обмолвки и шепоты крайне щедро. «Где плакал на дереве старый скворец. И слёзы ронял на песок...», «Жара приходит из Алжира. Тебе ли этого не знать», «Заплачешь — а Бог успокоит...Поднимешь — а чаша пуста...», «Прощание с чахлой землёю, Дождинка висит на носу...», «А в руках — пасхальное яичко, да шафранный ломоть кулича», «По снегу шагнув босиком в колокольной рубахе.» Эти детали могут быть интонационны, или изобразительны, но они, на мой взгляд, составляют основу текстов Застырца — именно среди этих вешек и живет его добросердечная философия, и юмор, и жизнеутверждающий лиризм, и праведный гнев, о котором мы поговорим позже.

Онейрокритикон (иначе онейрокритика) — так автор назвал свою книгу - по-русски означает «Сонник», толковник сновидений. Наиболее известное произведение в этом жанре — одноименный трактат Артемидора, лидийского стоика, собравшего все распространенные в его время (вторая пол. II века н.э.) верования, касающиеся пророческого смысла сновидений. Почерпнутые из этого трактата сведения и вдохновение использовали в своем творчестве и Зигмунд Фрейд, и Алексей Ремизов, и даже Даниил Хармс. Идеальное название для сборника стихотворений: звучит загадочно, немного по-медицински, чуть отсылает к «декамерону», а будучи сводом снов, может быть чем угодно произвольным. Определение сна — вещь расплывчатая: вот, привиделось. Не люблю расплывчатых вещей.

Аркадий говорит, что его первое «стихотворение» было по существу изложением чрезвычайно яркого и необычного сновидения. И с тех пор он время от времени возвращается к этому «методу», и даже считает, что механизмы поэтического творчества и сновидения во многом совпадают. Мне трудно судить — управлением снами я не овладел, хотя догадываюсь, что оно возможно. Сны не являются для меня главными источниками информации и получения материала для творчества, но, как мне думается, и в них можно найти все для поэзии необходимое:

«Всё, верно, там — в крамольной тишине,
В белье твоём, духах, губной помаде,
В высокой заколдованной ограде,
Во сне, моя любовь, во сне, во сне...»

Управление снами — опыт не европейской культуры, но, на, мой взгляд, одной из задач поэзии на сегодняшний момент и является преодоление этноцентризма, начатого еще со времен Геродота и Гомера. Признание множественности цивилизаций — не жест одного мгновения: бремя белого человека вросло нам в кожу. Полезно хотя бы то, что мы догадываемся о необходимости расширения нашего сознания. Ключевым моментом в овладении сном, является умение увидеть самого себя спящим во сне. В это мгновение две реальности (сна и бодрствования) смотрят друг на друга, человек как бы видит себя в зеркале, а изображение в зеркале видит человека, и они смешались, перестали понимать, где одно, а где другое. Две реальности «пересеклись". Предлагаемая Карлосом Кастанедой теория не просто расшатывает представления о реальности, но и смешивает объективное и субъективное, производя их «рокировку". В случае стихосложения так же важно: текст, условно говоря, принадлежит не только автору:

«Но вовсе тут нету тугой геометрии плаца,
На миг возле неба гранитные оползни стали,
Не больно, поверь, и до смерти на грани остаться
И встретить конец, удивляясь, как в самом начале».

Самым известным стихотворением Аркадия моей молодости был и поныне остался любимым «Нафталин», несомненный шедевр сомнамбулистического видения, гирлянда интонаций и точных метафизических метафор. Его-то он, по своему признанию, и написал, словно во сне. Многие пытались трактовать этот текст, сходясь на том, что это и есть определение поэзии. Под Франсуа подразумевали поэта Вийона, которого Аркадий блестяще перевел со старо-французского. Мне казалось, что просто красиво, удивительно красиво и изящно сделано. С намеком на недосягаемый полет и глубину. Шикарное стихотворение.

Табарен говорил: «Нафталин — это шар;
в глубине сундука ядовит он и светел»
Со слезами во рту Франсуа возражал:
«Нафталин это Бог, нафталин это ветер!»

Не полуночный шаг и беспечный ночлег,
Не настой водяной на серебряных ложках,
Не больной, не апрельский, не сумрачный снег
За булыжной стеной на садовых дорожках.

Стихотворение для русской просодии во многих отношениях нетрадиционное (один обвал отрицаний «не жестокий, не твой, не отрекшийся друг» сколького стоит!), оно, тем не менее, вписалось в контекст конца 80-х, начала 90-х прочно, органично. Люди почувствовали его странную, загадочную энергию, явно превышающую уровень абсурдистского куража. Я помню лица слушателей в зале, повторяющих вслед автору, волшебные слова заклинания. Успех поистине рок-н-рольный! А ведь сложные стихи. Чего только не бывает в родном отечестве. Остается лишь печально вздохнуть, что впоследствии победила другая поэзия: более энергичная, и неумная. Впрочем, «Нафталин» остался!

Мы переводили его с Саймоном Петиттом в Нью-Йорке для фестиваля «New Freedoms" в 1994 году: мое еще не вызревшее византийство вошло в клинч с дидактичным протестантизмом Саймона. Это было скорее страшновато, чем смешно... «Почему слезы во рту?», «Водяной настой, это как? Может, спиртовой?» «Стеклянный озноб, это как?» «Вообще, кто такие эти люди?», «О чем они спорят?» Что такое «нафталин» Саймон так и не смог понять. Жаль. Все так просто. «Нафталин это — бог, нафталин это — ветер».

Мне приятно видеть в этом сборнике стихи, посвященные нашим друзьям той веселой поры: на фестиваль «New Freedoms-94» Аркадий приезжал вместе с Сережей Курехиным, Иваном Ждановым, Ниной Искренко, Д.А. Приговым, В. Курицыным, А. Драгомощенко. Смерть еще не успела собрать свой первый и второй урожай: казалось, мы будем жить вечно. Как минимум, на фотках тех лет мы выглядим с претензией на это. Работа на грани яви и сна предполагает «расфокусировку зрения», позволяющую избавиться от рефлексий и «внутреннего диалога». Все это Дон Хуан называет «путем воина». «Развитие человека по «пути воина" означает, что человек должен стремиться принимать все, что происходит, как данное — иначе говоря, смиренно. Но эта смиренность не есть покорность: воин воспринимает происходящее как брошенный ему вызов, и на этот вызов он должен ответить наилучшим образом. Важнейшая черта

поведения воина: он рассматривает себя как бы умершим, ему нечего терять. От своих действий воин не ожидает для себя наград (пример упражнений, которые дон Хуан предлагал Карлосу для выработки этого качества, регулярное совершение бессмысленных действий типа переметания мусора из угла в угол, перекладывание дров и т. п.). Что бы ни случилось, воин действует так, как будто ничего не случилось. При этом он оставляет свободу действия и за другими, полагая их такими же неуязвимыми, как и он сам. Секрет воина состоит в том, что он верит не веря. Особенно это важно в те моменты, когда оказывается, что мир не таков, каким его представляет наше описание. Как пишет Кастанеда, «воин входит в неизвестное с чувством радости, веселья и абсолютной свободы»[1]. Множество подобных установок я встречал в дальневосточной традиции, к которой сейчас присматриваюсь. Все древнее знание разлито из одной чаши и невероятно полезно и для поэзии и для поэта. На смерть Сергея Курехина Аркадий пишет «Колыбельную для принца»:

«Усни, мой принц, усни. Венеция с тобой.
Начертан долгий путь до Басры и Багдада.
Уложен груз в ларцы с обивкой голубой —
В прохладной глубине заполненного склада.

С тобою добрый меч и честные весы,
Каирский амулет под чистою рубахой.
В гербе фамильном — три косые полосы
И белый мантикор над попранною плахой».

Такое вот романтическое прочтение... Оно тем более пронзительно, поскольку Сергей Анатольевич Курехин — кроме щеголя и шалуна, был к тому же яростным, принципиальным человеком. Борцом за свободу. Одним из немногих, кто знал, что эта самая свобода есть на самом деле. И что она не имеет ничего общего с той бодягой, к которой нас уже двадцать лет пытаются приучить в эфире. Мне кажется, что мы, потеряв этого Принца, постыдно растерялись, разобщились, отдав врагу наши города и стойбища. Что мы упустили момент, не накопив достаточных сил, чтобы воспользоваться новым. Процесс взаимоперетекания существует не только между сном и явью, но и между жизнью и смертью. Никому из нас пока что не пристало праздновать победу, или оплакивать поражение. Человек знания преодолевает разногласие рассудка и

[1] Карлос Кастанеда. Комментарии к важнейшим понятиям из «Путешествия в Икстлан»// Колесо времени / И. Старых. София, 1998.

тела. Оборотной стороной этого знания является приобретение личной силы и использование сил, скрывающихся за внешней данностью мира (Кастанеда называет эти силы помощниками). Продвижение по пути знания делает воина магом, умеющим объяснять знание как интеллектуально, так и демонстрируя новое видение мира. Демонстрация - важный момент объяснения магов. Специфика демонстрации, согласно объяснению магов, в том, что внимание ученика выводится за границы мира и он становится наблюдателем того, что с точки зрения обычных представлений о мире невозможно («беседа» с койотом - степным волком как понимание его намерений; мгновенное изменение местоположения; наблюдение сил союзников и т.п.). При этом вопрос, было ли наблюдаемое на самом деле, как утверждал дон Хуан, учитель Кастанеды, является бессмысленным , ибо здесь все зависит от позиции наблюдателя.

И только сон на зимнем сеновале
Разносит в брызги правильный гранит,
И милостиво ставит нас в начале,
Под занавесом плачущих навзрыд.

И только сон ведёт по солнцепёку,
Смывая время тёплым молоком,
На палубу к остывшему востоку,
Под паруса с малиновым флажком.

Многие тексты, собранные в этой книге можно отнести к «снам о культуре». Прекрасно знающий живопись, музыку, драматургию, Застырец, обращает наше внимание на то, что он любит, как бы призывая полюбить вместе с ним. Как ни верти, но современный мир не только арена борьбы добрых духов со злыми, но и — музей (хорошо это, или плохо, но это так). И Аркадий — благодарный посетитель этого музея, внимательный слушатель.

«Мне кажется, что быть не может, нет
От кисти следа тоньше и точнее.
Здесь тишину взрывает красный цвет
И от восторга руки коченеют».

или

«В жемчужине ожившей нет изьяна!
Досады ради в тяжкую парчу
Ее припрятал гений Тициана
И не дал воли чуткому плечу».

Чудные картинки с выставки в духе романтической поэзии прошлого и позапрошлого веков: такие вещи украшают наш скромный постсоветский быт, а связь с традицией намекает на то, что, может, она и не прерывалась. Коро, Вермеер, Давид, Джорджоне, - автор хорошо погулял по европейским музеям и внес их дыхание в свой мир с «бюстом Наполеона», «яблочным пирогом», «малиновыми шторами». Аркадий — поэт быта, быта строгого, вещественного, обозначенного функционально, он — поэт со своим рабочим кабинетом, что, на мой взгляд, говорит о многом.

«Помстившаяся новою сноровка
С рождения заложена в ладонь,
И тем нежней ручная полировка,
Чем беспощадней внутренний огонь».

В кабинете иногда перелистываются исторические страницы: «Лезут пластырем в окна латинские глупые буквы, словно бредит Тифлис побиральной цыганской сумой», «Застенчивый корнет поодаль Перемышля читает, став на свет, японские трёхстишья», «Меж залитых тушью созвездий Венера — как спичка в шкафу, И пьянствуют в тёплом подъезде два друга — Ли Бо и Ду Фу», «И каждую полночь слышна по дороге часами гудящая башня Кремля, и Сталин стоит на высоком пороге, без устали мчаться на север веля», «Как Дед Мороз без бороды, с привычного плаката, тов. Брежнев радостно сулит обильные дары. Нам отпускают шоколад совковою лопатой И грузят в полиэтилен зеркальные шары». «Голос Америки» слушал, развесив антенну, музыки ради, а всё остальное — в придачу. Пищу ночами искал в холодильнике тёщи — наш-то сперва пустовал, возвышаясь поодаль....» Со всепобеждающей иронией, без болезненного диссидентства, о наболевшем и родном — Застырец так умеет. В случае необходимости — он профессиональный эстрадный исполнитель. Цитируя сейчас эти четверостишия, поймал себя на мысли, что помню многие из них наизусть. Запоминаемость поэзии Застырца — также отличительная и несомненно положительная черта.

В книге много стихов, посвященных нашим общим друзьям — Александру Калужскому, Марине Темкиной, Роману Тягунову, Вячеславу Курицину, Ивану Жданову. Свидетелем внутренних сюжетов, стоящих за ними, как мне кажется, когда-то был и я сам:

«Не Жданову ль мы с Курицыным водки
Плеснули в одноразовый стакан?
И стих пробил, как молния, короткий:
«По-моему, под нами океан...»

По-моему, под нами океан.»

Застырца не интересуют мистические недоговоренности, если некоторые стихи причудливы как готические гобелены, то иные, наоборот прямолинейны и дерзки:

Сквозь осени воздух
доносится песня трамвая:
Он выкусил оси
в своих параллельных оковах —
И просится, сволочь,
лишь изредка переставая,
Из древних моих сновидений
во внутренность новых.

Книга состоит из двух частей. В первой собраны стихи многолетней давности, ее можно было бы назвать «Вчера». А вторую — с соответствующим содержанием — «Сегодня» (но для такой маленькой книги названия частей — невыносимый груз). Аркадий поясняет: «Это простое деление — не только дань хронологическому порядку, оно еще и отражает место, занимаемое сновидением в нашей жизни — между прожитым и как бы уже не существующим и едва наступившим, забрезжившим новым днем. Между замиранием, в котором мы склонны видеть прообраз смерти, и оживленным рассказом наяву о том, что мерещилось в «пограничье миров».

В основном, это городские стихи (городские сны) — так что мои аллюзии на Кастанеду могут показаться немного натянутыми. Старый город, советский конструктивизм, опорный край державы, уральские пельмени, часы на старой башне, исторический сквер, маленький памятник Павлику Морозову, облупившиеся ворота в парк Маяковского. Сладкая ностальгия — я запомнил город таким. «В голубых от времени портретах стены обреченные стоят». Там автор может себя позволить и беспечно сообщить: «я лёжа слышу времени излишек и щурюсь на лохматые лучи». «Где улица, зима и лес вокруг? брожения в умах и разговорах?» «И даже холопам безверья

изношенной мысли взамен пожалуют чистые перья...» В русский пейзаж, будь он городской, будь сельский, исподволь проникает Пушкин — Застырец никогда не скрывал своей приязни к этому поэту, причем ценил не столько стиль, сколько гармонически-гедоническое мировоззрение.

По мере продвижения по книге голос автора становится все строже, увереннее, неукротимей. Это не просто толкование сновидений, это — почти руководство к действию, где позиция пишущего ясна и однозначна.

Пространству до лампочки?
Ну же, Иосиф, колись!
Молчание призрака, впрочем, —
как речь гегемона.
Молчи, если хочешь,
а если не хочешь — молись.
Не Богу, конечно, —
второму закону Ньютона.

А я и не помню,
где первый теперь, где второй:
Я знание предал —
да ну его на фиг — народу.
Ведь знание — сила.
А то, что оно — геморрой,
С тобою ушло
под венерину грязную воду.

Времена «звуков сладких и молитв» подходят к концу. Сон сливается с явью. Богоискательство с богооставленностью. Сонник превращается в разбор полетов. Заклинание в «Даре Орла» подтверждает сказанное: «Я отдан силе, которая управляет моей судьбой. Я ни к чему не привязан, поэтому мне нечего защищать: у меня нет мыслей, поэтому я вижу, я ничего не боюсь, поэтому помню себя. Отрешенный и раскрепощенный, я промчусь мимо Орла, чтобы быть свободным».

Небу обычно и впрямь — до земных ли морок?
Вроде бы ясен огонь основных откровений...
Но широка и вода Богоданных сомнений —
Как бы её одолеть-то в отпущенный срок?

Благодарю и за всякий попутный пустяк —
Запах бумаги, весны нерешительный холод...
Ради чего от Тебя я так больно отколот?
Ради каких мимолётных по-всякому благ?

Нелепый литературный централизм, установившийся в нашей державе, искажает картину поэтического мира, но вряд ли в силах ее изменить. Столицы живут своей жизнью, провинция своей. Поэзия, тем не менее, в пространстве ноосферы едина. О кризисе в поэзии или, наоборот, о ее рассвете говорить не стоит. По преимуществу, она слаба, вторична, остаточна, лишена связи с тайной бытия и центром мира. Нащупайте эту связь, и поэзия обретет силу. Я скажу даже большее. На мой взгляд, поэзия Гомера, Вергилия, Данте или Горация кроме множества эстетических преимуществ, обладала и государственно-образующей силой. При сильной поэзии возникает сильное государство, а не наоборот. И не о партийности я, и не о народности. Я о невероятной энергии, которой может обладать поэтическое слово. То слово, которое может «склеить двух столетий позвонки». Для меня неудивительно, что эта государственно-образующая поэзия может возникать в таких местах силы, как Рифейские горы. Урал — опорный край державы. Этого никто не отменял. И поэзия Аркадия Застырца один из примеров этой опоры.

Вадим Месяц, Ясенево, 23 окт. 09 г.

... Ибо художество есть оплотневшее сновидение.
о. Павел Флоренский

1

БАННЫЙ ДЕНЬ

Я тобой одной пропитан,
Как мочалка — белой пеной
В сонный, ленный, златостенный
Деревенский банный день.
Накрахмалены и сбиты,
Пахнут жареной картошкой
На сухих дровах дорожки
Полотенец и простынь.

А пока бегу к колодцу,
Утро ночью обернётся.
Ночь возьмёт в кулак и спрячет:
Нету, нету — не иначе,
Спрячет баньку, спрячет дом.
Чуть весёлые от водки,
Глянем в избу к доброй тётке,
Дунем в окна огоньком.
Посидим, пригубим бражку,
Да грибочек-замарашку —
С вилки в зубы. Дай вам Бог!
Слышу «кушайте» и вздох.

Дверь всплакнёт — тепло повалит.
Выйду, мусля сигарету,
Отпущу гулять по ветру
Хмеля банного пожар.
Чёрт храпит на сеновале,
А быку щекочут ноздри
Звёзд развесистые грозди,
И в хлеву холодный пар.

Я тобой одной пропитан,
Словно леса рваный ритм —
Белым светом и землёй,
Словно ночи — зрячей тьмой

СТАРЫЙ ДОМ

Чёрные слепые коридоры
Тянутся к раскрытому окну.
Отогну малиновые шторы
И на скрип решительно шагну.

Покаянной памяти примета,
Времени разодранного яд —
В голубых от времени портретах
Стены обречённые стоят.

На комоде, полон слёз и звона,
В колотые вставлен зеркала
Трёхдюймовый бюст Наполеона
Тёмно-бирюзового стекла.

В старый дом — любовная привычка —
Постучать, услышать гром ключа...
А в руках — пасхальное яичко
Да шафранный ломоть кулича.

КЕРЧЬ

Ты шла по морю, мелью. Сна медуза
Сквозь грохот порта, уханье снастей
Плыла к тебе. Из всех моих страстей —
Ты страсть, из всех обуз — обуза,
Горячечная муть существованья!
Зуб на зуб у меня не попадал,
Когда в ответ на птицыны страданья
Кудрявый мальчик в тяжкий клюв совал
Свой пляжный коржик. Птица умирала,
Крылом укрыв коричневую кровь...
Так было обозначено начало
И двух морей набухшая любовь.

***

Мы ждали ёлки, Рождества,
Братаний, вольных хороводов,
И с фейерверком торжества,
И с доброй вестью скороходов.

Мы ждали ласковых гостей —
Сотрудников судьбы счастливой,
И в водах тёмного залива
Парада белых кораблей.

И на сияющем пороге
Мы ждали от южан подмоги
И скатертью накрыли стол.

Мы ждали чуда неземного,
Мы ждали князя Трубецкого,
Но князь на площадь не пришел.

ЗНАМЕНИТЫЙ ГИРЛАНДАЙО

Мне кажется, что быть не может, нет
От кисти следа тоньше и точнее.
Здесь тишину взрывает красный цвет
И от восторга руки коченеют.

Печалясь о таком, не говорят.
Здесь нет людей — они столпились рядом,
И каждый, поглядев, отводит взгляд:
Проём окна открыт смущённым взглядам.

Дорога вьётся, дерево растёт,
Белёсый горизонта разворот
Внушает, что конец пути не близко...

И правда — у подножия река,
Скалы вершина дивно высока,
Но в то же время вот она, так низко.

ЗНАМЕНИТЫЙ ТИЦИАН

В жемчужине ожившей нет изьяна!
Досады ради в тяжкую парчу
Её припрятал гений Тициана
И не дал воли чуткому плечу.

Стянул в корсет нетроганные груди,
Лицо обставил гирьками серёг,
И сделав вид, что взоры остерёг,
Закрыл пути рассудку и остуде.

Гляди в глаза, святая простота!
В её глазах трепещет нагота
И любопытство прячется девичье.

Здесь жизни завязь держит на весу
Ребёнок, заблудившийся в лесу,
Здесь искушенья тёмное величье.

ЗНАМЕНИТЫЙ КОРО

Я это утро вижу как живое,
Но ничего поделать не могу:
Я — дерево, сухое и кривое,
У озера на мягком берегу,

Где бабочки запутались с цветами,
Местами Бог, местами молоко,
И небо — отзываясь голосами —
На кончиках, воздетых высоко.

Соперник мой, отростки простирая,
Молчит и зреет, силой налитой,
Он встретит грудью полдень золотой
И тенью скроет изгнанных из рая...

Но это будет после, а пока
Меня ласкает детская рука.

ЗНАМЕНИТЫЙ ВЕРМЕЕР

Подглядывать мы любим, спору нет.
Он просто отодвинул занавеску,
Как только вышла девушка на свет,
Вручив причёску солнечному блеску.

Прозрачный звон оконного стекла,
Её отобразив, тебя не встретил.
Она глотает слёзы — ты заметил?
Не выбраться из этого узла.

«Вермеер» и звучит почти как «вор»,
Но сладко воровство такого рода:
Ты видишь всё — и скомканный ковёр,

И аромат надкушенного плода,
И кажется ещё — сойти с ума! —
Две строчки беспощадного письма.

ЗНАМЕНИТЫЙ ДАВИД

Хоть он изобразил её на ложе,
Весь облик очевидно говорит,
Что звать её наложницей не гоже —
Скорей пред нами лошадь-фаворит.

Изгибы дуг и локонов не скоры,
Всезнающая слабая рука
Так тяжела — вот-вот, и лежака
Не выдержат игольные опоры!

Диафорой небесной красоты
Налиты белоснежные одежды.
Вот плотская политика тщеты:
В ней нет ни обожанья, ни надежды.

Обманом завораживает нас
Античности имперский парафраз.

ЗНАМЕНИТЫЙ ДЖОРДЖОНЕ

Я, мальчиком, Юдифью любовался,
Мгновенно пересилив первый страх.
Нет, с торжеством смиренным я не знался:
Мне просто приглянулся меч в руках.

Потом, когда я с ужасом постиг,
Ценой какого низменного плена
Её презренья куплен долгий миг,
Меня смутило нежное колено.

Овал лица со временем темнел,
И очевидным сделался предел,
Который положила благу скверна,

Как только довелось мне ухватить
Одну деталь: Юдифь должна родить,
Причём родить, конечно, Олоферна.

***

Владимиру Антокольскому

Мы с тобой задремали в пути,
Отпустили нечаянно вожжи
И оставили лошадь брести
Через поле в тиши бездорожья.

Мы с тобой перешли в синеву,
И запели бесплотные трубы,
А под нами хватали ботву
Лошадиные тёмные губы.

За падением следовал взмах,
А когда накренило телегу,
Нам приснилось, что в синих плащах
Мы шагаем по первому снегу.

И красивее нас не сыскать —
Большеглазы и светловолосы,
И бросаются нас целовать
Ненасытные лёгкие осы.

Там шагается нам широко,
Там надкушена белая булка...
Нам идти ещё так далеко —
До полуночи, до переулка.

ОБМОРОК

Простукивал поезд колёсами путь
И сердце хотел обогнать,
И воздух исчерпала лёгкая грудь,
Всё глубже пытаясь дышать.
Взметнулся и вырос оконный проём,
И сразу же — вот чудеса! —
Взметнулись и выросли медленно в нём
Деревья, дома, небеса.
Прекрасные люди взошли надо мной,
Но в этот загадочный час
Стремительной, властной и злой тишиной
Мне мир вымывало из глаз.
По лестнице, прямо по лестнице вниз,
Из детского сада во двор,
Где мокрые с тучами ветви срослись
Ещё с незапамятных пор,
Где плакал на дереве старый скворец
И слёзы ронял на песок...
Потом надо мной наклонился отец
И налил мне яблочный сок.

НАФТАЛИН

Табарен говорил: «Нафталин — это шар;
в глубине сундука ядовит он и светел».
Со слезами во рту Франсуа возражал:
«Нафталин — это бог, нафталин — это ветер!»

Не полуночный шаг и беспечный ночлег,
Не настой водяной на серебряных ложках,
Не больной, не апрельский, не сумрачный снег
За булыжной стеной на садовых дорожках.

Табарен говорил: «Нафталин — это смерть;
погостил и пропал, и никто не заметил».
Франсуа закричал Табарену: «Не сметь!
Нафталин — это бог, нафталин — это ветер!»

Не стеклянный озноб и размеренный бред,
Не передника в красный горошек тряпица,
Не удара, не крови, не судорог след,
Что в песке оставляет подбитая птица.

Табарен говорил: «Нафталин — это ложь;
он глаза затуманит и голову вскружит».
Франсуа прошептал: «Ты меня не поймёшь,
ты меня не осилишь, тем хуже, тем хуже...»

Не железный венок и означенный звук,
Не горланящий ночи не помнящий петел,
Не жестокий, не твой, не отрекшийся друг,
Нафталин — это бог, нафталин — это ветер!

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ ДЛЯ ДАНИИЛА ХАРМСА

В Туркменистане — дождь местами,
А в нашей области — зима.
Опять завалены снегами
Колхозный рынок и тюрьма,
С лотка мороженные сливы
Почти бесплатно раздают,
Смычка пружинистые срывы
Терзают медленный прелюд,
При людях — сумки и собаки,
В столовой — хрупкие безе,
Объял несносные бараки
Спокойный пламень ОРЗ.
На совещании министры
О чём-то важном говорят...
Вдруг — хором — группа октябрят:
— Крупа крепка, и страсти наши быстры!

***

Тепло и тьма и пыль...
как вдруг ударит осень,
где кружится листва
и синева горчит,
где веки опустил
и засыпает Мосин,
а Брусиловский всё
смеётся и молчит.
Во мне растёт печаль
канатными кругами.
Я плачу, как слепой,
ладонями поняв,
что мы стоим в воде
и, между берегами
сочувствия ища,
никто из нас не прав.

***

Через ночь — самолёт, нитка в чёрную бусину вдета,
И от глиняных вод на обрывистый берег Куры
Поднимается сноп оперённого горного света,
А навстречу ползут прокопчённые пылью ковры.
Лезут пластырем в окна латинские глупые буквы,
Словно бредит Тифлис побиральной цыганской сумой,
И Святая гора в мох и плесень развесистой клюквы
Погрузилась во сне необъятно широкой стопой.
И грузинская речь удивительней русскому вдвое
В те минуты, когда осенит, что считают рубли...
Под копытами древних коней не расплющатся с воем
И в куски под откос не покатятся все «жигули»!
Разве скрипнет зубами прохожий, хватаясь за ножны,
Разобрав неожиданно, что я глазами сказал, —
И опустит глаза, и плечами пожмёт осторожно,
Лишь увидит своими глазами, что сломан кинжал...
Я сижу на траве, на проспекте Шота Руставели,
Надо мной облака бороздят океан синевы,
Тихо дети поют в осенённом крестами приделе,
И восходят по склону слепые крылатые львы.

***

Стук и звон — телега с клетью,
Переспрос — кого везут?
По кому изладил петлю
Неподсудный суд?
Видно волосы и спину,
Вкруг — холёные штыки.
И пугает мама сына:
«Бука, бука! Вон клыки!»
Угораздило связаться!
Восвояси уж нельзя.
Поздно, братцы. Тошно, братцы!
Вот и сказка вся...
«Не успели! Обманули!» —
Ударяет в голове.
Вдруг да на ухо шепнули:
«Прижимайся сам к себе!
Берегись и стань покорным,
Нам сподручней, нам видней».
В подворотне трое в чёрном
Стерегли коней...

РУССКАЯ ДУША

Застенчивый корнет
Поодаль Перемышля
Читает, став на свет,
Японские трёхстишья.
Поднёс листы к глазам
И взвешивает звуки:
«Конец осенним дням.
Уже разводит руки...»
Он сдерживает дрожь
И, строчки повторяя,
Разительно похож
Лицом на самурая.
А на краю леска
Четыре эскадрона
Ахтырского полка
Крушат Наполеона.
Погода хороша —
Хрустит мороз в мундире.
И русская душа
Куда французской шире!

***

Здесь ничего не даст античных стёкол
Сцепление в гудящих небесах,
Где гонит бубенец ненастный сокол
На пёстрых растопыренных весах,
Не пособит алтарь алгебраиста,
Бессмысленна массивная шкала
Астролога, тем более — баллиста,
Тугая, как татарская скула.
Здесь опыт мёртв и невозможна школа,
Все планы лгут, отравлена вода,
Мысль обладает весом ледокола
И тайный срок слоится, как слюда...
Прекрасный мир полуденного бреда!
Пройти тебя — не значит умереть,
Но каждая совместная победа
Лишь памяти растягивает сеть.
Помстившаяся новою сноровка
С рождения заложена в ладонь,
И тем нежней ручная полировка,
Чем беспощадней внутренний огонь.

***

В частых бурунах опутаны пряжей корыта,
Жёлтые рёбра в лучах источают смолу.
Тёмной ладонью торговая гавань открыта —
К ней океан отдаёт корабли в кабалу.
Кто это берегом шествует в белых нарядах?
Чьи силуэты прожгла золотистая нить?
Много зерна накопилось в распахнутых складах:
Станут его невысоко сегодня ценить.
Кто это там на борту преклоняет колена,
Знаменьем крестным себя осенив широко?
Вспучила трюмы весёлая тайна обмена,
Пушки дымят, и полощутся флаги легко.
Кто это в чёрном стоит на воздушном балконе?
Чьих вееров махаоны трепещут у лиц?
Взрывы в глазах моряка! — и потеют ладони:
Скоро ли ночь с мириадами шпилек и спиц?
Торг изобильный сулит суета на причалах,
Скрежет летящих цепей будоражит купца...
Радостный миг! И на этих прекрасных началах
Будем стоять до конца. До какого конца?

***

Зима наступает внезапно,
Термометра взорван дозор.
Сугробы растут поэтапно,
Шпаклюя неприбранный двор.
Как шайбу со стуком бросает
По льду, по неделе — меня,
И кошка во тьме замерзает
И плачет, пугаясь огня.
Садится на шею Сенека —
Всё ножницы, проза, мораль.
Мне жалко до слёз человека,
Забитого утром в печаль.
Меж залитых тушью созвездий
Венера — как спичка в шкафу,
И пьянствуют в тёплом подъезде
Два друга — Ли Бо и Ду Фу.

ЧУК И ГЕК

На север, на север! Наш папа — военный,
В овечьем тулупе, скрипучих ремнях
Он ходит на лыжах, живой, неизменный,
От штаба до башни в зелёных огнях.
Наш папа — высокий, весёлый и сильный.
Красавица-мама скучает о нём
И плачет в столице, горячей и пыльной...
На север, на север! Поедем, пойдём!
На лёгкой машине, на поезде скором,
На белых оленях сквозь лес и метель
Навстречу сияющим вольным просторам,
Скрывающим нашу конечную цель.
И каждую полночь слышна по дороге
Часами гудящая башня Кремля,
И Сталин стоит на высоком пороге,
Без устали мчаться на север веля.
Счастливые дети, крутая порода!
На север, на север! До слёз, до конца,
До смерти, пожалуй, до Нового года,
До самых объятий родного отца!

***

Мне кажется, что детства моего
Устроенное доброе пространство
Находится, конечно, в прошлом веке,
У Чернышёва, может быть, моста.
Там снег и мех, и множество деревьев
Разбрасывают в звонкий воздух ветви,
И стройные фасады мягким светом
В воскресный день легко озарены.
В воскресный день в распахнутой прихожей
Там девочек в цигейковые шубки,
Двойняшек, одевает гувернантка
И за руки по воздуху ведёт.
Скрипят ремни, рессоры и полозья
Усилием лоснящихся лошадок,
Объятых паром свежего дыханья.
Вперёд, вперёд! Куда как хорошо!
За строчкой строчку толстого романа
Я жадными глазами пробегаю,
Не принимая вечных окончаний,
Не чувствуя стремительной судьбы.

***

Раб медной лампы — на свободе.
Простосердечный Аладдин
Оленьих глаз с него не сводит
В плену волшебных величин;
Слепящим пламенем желаний
Разбудоражен и смущён,
Вступает в мраморные бани
С толпой великолепных жён;
Одним движением ленивым
Треножит скользкую судьбу;
Переча слугам торопливым,
Мирволит дивному рабу;
Плоды загорные вкушает,
Вдыхает райский аромат;
Восторг возлюбленным внушает,
Кидая благосклонный взгляд.
Он молод: жизнь его не старит,
Но где-то — помнится едва —
Магрибский дервиш травы варит
И шепчет страшные слова...

***

Обогащенье сулит обнищанье —
Это кольцо не имеет просвета.
Хочется верить, что не на прощанье
Наша прекрасная песенка спета.
Хочется в лунных продуманных фазах
Двигаться долго, до Нового года.
Полно, не надобно неба в алмазах —
Что за, ей-богу, холодная кода!
Хочется видеть не строй и не стадо,
Не индустрии железо и масло —
Лица в ветвях непролазного сада,
Грудью припав на плетёное прясло.
Хочется верить и хочется видеть,
Двигаться, вовсе не ведая боли.
Видимо, я не смогу ненавидеть —
Стало быть, стану любить поневоле.
За обнищанием обогащенье
Шествует самодовольно и чинно.
Хочется верить, что наше спасенье
Безотносительно и беспричинно.

***

Уже везут в грузовике заиндевелых ёлок,
Уже извечен снегопад и вымерожен в пыль,
На льду, круженье посрамив, преобладает волок,
А на базаре за цветы — раскрашенный ковыль.
Как Дед Мороз без бороды, с привычного плаката
Тов. Брежнев радостно сулит обильные дары.
Нам отпускают шоколад совковою лопатой
И грузят в полиэтилен зеркальные шары.
Уже стемнело, но вполне движенье безопасно:
Беспечно шубы распахнув, мы под гору — домой.
Сквозь воздух звёзды декабря просвечивают ясно,
Кругом — хохочут и поют довольные собой.
Часы подталкивают ход решающих мгновений,
Ты нарезаешь лук в салат, а смотришь на меня,
Порезалась — и брызжет кровь на противень пельменей...
Не плачь, до свадьбы заживёт — ещё четыре дня.
Гостей троллейбусы несут — с каким восторгом детским! —
И телевизор всё бодрей к столу торопит нас.
Шампанское не может быть, казалось, не Советским —
Особенно когда часы пробьют двенадцать раз.

***

О, тряпками сгущающие тени
Прелестные протирщицы полов!
Их движитель, величественный гений,
Заслуживает музыки и слов.
Особенно, особенно в июле,
Когда лучи косые золотят
Столбами пыль в просторном вестибюле
И в вёдрах отражается закат,
Когда луна светящиеся жабры
Раздует, затевая поворот,
И струями тяжёлыми со швабры
Расплавленное серебро польёт.
В итоге всех расчётливых движений
Без помощи винта или крыла
Уборщицы казённых помещений
Летят из тьмы в чём мать их родила
И песней коридоры оглашают,
Вокруг огнетушителей кружа —
Ни лампы им, ни тумбы не мешают,
Ни спящие на вахте сторожа.

***

И только мысли о пощаде
Вершат кружение голов,
Продленья, продолженья ради
Рождая сопряженье слов
И снов, сбывающихся чудно,
Пока не беспробудна страсть
И состраданье обоюдно,
И негде яблоку упасть:
Базар в покоях Шахрияра —
Шальная прибыль, говор слуг,
Случаются — за парой пара,
Проносятся — за другом друг.
Но тучи снежные наводит
Намеренно ленивый жест —
И вдруг обманом речь уходит
От самых интересных мест...
То смехом царь времен зальётся,
То слёзы вытрет невзначай,
И что ни полночь — раздаётся:
«Я дозволяю. Продолжай».

ПУТЕШЕСТВИЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Что юг? Изобилие соли
По-разному дразнит и ест
На горного склона неволе,
В цепочке подсолнечных мест.
И звёзды качаются в море,
Как золото в мутных весах.
Досадливы крест в помидоре
И чистый песок в волосах.
Изводит жара немотою,
Мячи надувные гудят,
И, ягодой глядя литою,
Зевает удушливый сад.
Сдвигая зелёные плети,
Ты делаешь в сторону шаг
И видишь, как дикие дети
Вздевают на спицы табак.
Владение глазом опасно,
Когда в небесах, как на грех,
Грузинское терпкое масло
Спрессовано в грецкий орех
И, вверх покатив из ущелья,
С предела своей высоты
Оно озаряет безделье
Над пропастью злой красоты.
Как вдруг из загорной фрамуги
Привольно задышит в лицо
Бесхмелица утренней вьюги,
Занёсшая снегом крыльцо —
И ты покидаешь чужбину,
В счастливые трубы трубя.
Я больше тебя не покину.
И ты не покинешь себя.

***

Из-под груди под вьюгу кринолина
Каменья разбегаются светло.
На ушко шепчет что-то из Расина
Насмешливый рассудчик Буало.
Легко разбередив клавиатуры,
Рамо изображает пенье птиц,
И кавалеров хрупкие фигуры
Ведут в гавоте чопорных девиц.
Не трожь сии сияющие снасти:
Того гляди — раздвинешь и найдёшь
Безделие, болезненные страсти,
Мигрень, испанку, сифилис и вошь.

***

Призрачен мир: у заснеженных гор переправа —
Хрупкой дугой изогнулся бамбуковый мост.
Призрачна жизнь: мимолётны богатство и слава,
Истины свет беспощадно спокоен и прост.
Надо бы жить, наслаждаясь обычной заботой —
Хворост собрать и взвалить на себя, увязав.
Мимо господ, увлечённых кровавой охотой,
Мирно шагать и дышать от мороза в рукав.

***

Саяно-Шушенская ГЭС простёрлась на востоке,
Возвысив, гордая, бетон в каскадах ясных брызг,
И флаги хлопают над ней, и посылает токи
По всей стране её турбин величественный визг.
В стально-хрустальных корпусах хлопочут инженеры,
Следят за нервною шкалой и тычут в циферблат:
У них-то всё предрешено и выверены меры,
И всюду ровное число чарует праздный взгляд.
Плотина... О! плотина всем массивом сильной плоти
Висит над вздыбленной водой, дыханье затаив, —
И сотни юных балерин сгорают на работе,
Порхая в пачках голубых в гигантский водослив.
Вершатся тайные шаги расчётного процесса
Внутри, за толстою стеной, в прохладной глубине,
Где ходит в радужных шелках китайская принцесса
И скачет воин из огня в муравленой броне,
Левкои, падая, цветут и в зареве разрядов
Уходит в хитрый механизм, отваливая пар,
Геометрический парад свободных снегопадов
В сиянье окон, фонарей и движущихся фар.

***

Скипидар, солдатик, перепонка...
Дорогие страшные слова.
Лезет в рот заветренная пшёнка,
И полна слезами голова.
На краю пространного пробела
Еле-еле теплится язык,
Продвигая маленькое тело
И срываясь изредка на крик.
Жмёт колени тесный подоконник,
В спину свет — и нету никого.
Житию, наивному, как сонник,
Не замена умное свойство.
Вьётся пламень неуничтожимый
В россыпи сокровищных фонем —
Лишь держу дрожанья и нажимы,
Отчего ужасно плохо ем.
И отец, разгневанный недаром,
Вышвырнув меня из-за стола,
Пробуждает медленным ударом
Все мои дальнейшие тела.

***

В голландском городе зима,
Несмелый снегопад мережит
Слепящей сеточкой дома,
И узкого скольженья скрежет
Лучом восходит ото льда,
Когда купчанин досточтимый,
Взлетев над вензелем следа,
Подносит яблоко любимой,
И нету выше высоты,
Где в путах серебристой пыли,
Благочестивые, застыли
Раскрылий мельничных кресты.

***

Точно в солнечной соломе,
В свечках блики шелестят —
Теплит свет в холодном доме
Превосходный мой собрат,
Песни сторожа не слышит,
Над бумагами клонясь...
Как же он живёт и дышит,
Коли тьма над ним сошлась?
Или всё же лгут народу
Слуги мёртвого числа
И не только прах и воду
Носят смертные тела?

***

За тихой занавеской на печи
Сквозь ровные шажки чугунных шишек
Я лёжа слышу времени излишек
И щурюсь на лохматые лучи.
Мне не дают глубоко погрузиться
В душистый мох застольные шумы,
Горбатая под печью половица
И полынья луны в средине тьмы.
«Он правда избалованный ребенок, —
Вполголоса, — но мы ему не суд».
И я шепчу отчаянно спросонок:
«Останусь тут — и всё, останусь тут...»
Сорочьим следом утра свет прострочен,
А стало быть — продлён счастливый срок,
И в печке дышит, сбоку разворочен
Горячею смородиной, пирог.

***

Ты видела во сне пожар —
Клубы мудрёные свивались,
За шаром подымался шар —
И мчались.
И пресекающийся мир
В чертах неуловимой сажи
Сходил на нет, под нивелир
Пропажи.
Нежна земля, нежна змея,
И лепесток на тонкой шее,
Но чёрный жар небытия
Нежнее.

***

Саше Калужскому

Сошли мы с пулковского трапа —
И с головы твоей бедовой
Техасская слетела шляпа
Куда-то в сторону Дворцовой.

Не вняв пустыне и печали,
Взметнув небесную крупу,
Вдогонку шляпе мы бежали
К Александрийскому столпу.

Всю ночь, переменившись, ветер
Гремел железными листами
И раздувал подлунный пепел
Над куполами и мостами.

Тебе я прошептал: «Нам снится
Сей град обманчивый». И вот
Мне болью залило глазницы,
Как бы песком его болот...

И то — груба и прихотлива,
Держава наша — скользкий шар.
Доднесь ли брошен у залива
Мороки царственныя дар?

***

Часы тихи и постепенны.
За стёклами — нетленный лёд.
Из облака порочной пены
Венера в фартуке идёт.

Воздев сухого локтя жало,
В изгибе нежном гасит лоб,
Но сода смутного начала
Уже рассыпалась в озноб,

Но извести исходной корка
Распалась. Невозможны впредь
Большая стирка и уборка,
Трудов болезненная медь.

Уже гораздо руки знают
И загодя в бездонный спуд
Пододеяльника роняют
Всем морем отягчённый жгут.

***

За полярным кругом тайны,
Где раздолье диким вьюгам,
Все открытия случайны
И запутан север с югом,
Где в зиянии надснежном
Беспрепятственно застыли
Облака о неизбежном,
Валуны летучей пыли —
Сквозь гряду громов небесных,
В холодящем душу вое,
В одеяниях железных
Молча двигаются двое.
Там один из них — как порох
На шипах, иглах и спицах,
Градовницы носит в шпорах,
Носит пропасти в зеницах.
А другой глядит как в воду
На полуденном просторе,
Мощи чудную свободу
Притаив в укромном взоре.
Первый тьмой объять второго,
Распалясь, упорно ищет,
Но второй — сорокового
Серебра светлей и чище.
И второй пребудет первым,
Тьме кромешной не по силам —
Вопреки отверстым жерлам,
Ямам, дырам и могилам.

***

Снова ночь, и падающим словом
Тень моей руки обожжена
На листе отбеленном, готовом
Зазвенеть, как зимняя струна.

Не взлетела жалкая молитва,
И во тьме густой до потолка
Только месяц, тоненький, как бритва,
Заходил от стекол у виска.

И угасла нежная способность
Принимать и пробовать на слух
Бытия пленительную дробность,
Новизны слетающийся пух,

И задуло сонной духотою
Белой лампы жгучий волосок...
В этот миг я, верно, и открою
Подземелья влажного исток,

Тесный лаз, отрезанный осотом
От колен и жаркой головы,
И узнаю, выведаю, что там,
На краю кристалла и травы...

***

Роману Тягунову

Над Е, над деревом надежда,
В седьмом, надзвёздном, падеже.
Скрывает ангельская вежда
Свет правды и на рубеже.
Терпенье нить за нитью тянет,
Из тени ссучивая тьму...
Ужели вера нас обманет,
Не дав ни ера никому?
Неужто ненависть важнее
Всеобщих этих покрывал?
Ведь жар небытия нежнее
Потерянных пчелиных жал...
Неужто суженая доля
Вполне ничтожна и душа —
Лишь вдоха краткая неволя
Для обнадёженных дыша?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ПРИНЦА

Сергею Курёхину

Усни, мой принц, усни. Венеция с тобой.
Начертан долгий путь до Басры и Багдада.
Уложен груз в ларцы с обивкой голубой —
В прохладной глубине заполненного склада.

С тобою добрый меч и честные весы,
Каирский амулет под чистою рубахой.
В гербе фамильном — три косые полосы
И белый мантикор над попранною плахой.

Я знаю о тебе, я видел жаркий взор,
Сверкающий скорей стекольного сполоха.
Ведь за твоей спиной растёт с недавних пор
Чуть слышный ветерок страдательного вздоха.

Но даже эта ночь не в силах отменить,
Созвездия швырнув возлюбленному в ноги,
Ни путанной судьбы серебряную нить,
Ни лунный обелиск подпарусной дороги.

Усни, мой принц, — и так недолго до утра,
Вот-вот — и полетят блистающие брызги,
И в якорных цепей летящем к небу визге
Морская даль взойдёт, как дымная гора...

СКОРБНАЯ ЭЛЕГИЯ

Марине Тёмкиной

И нищету, и позор
в тёмном буфете пригреем.
Осень пристанет ко сну.
Осень пристанет ко сну.
Ветер ударит в окно,
по кипарисовым реям
снежные тени скользнут —
я облегчённо вздохну.

Холодно? Холодно, да.
Страшно ли? Страшно, Марина.
Вижу рождение льда.
Вижу рождение льда.
Все происшествия до
вырежет взмах аспирина.
Всё, что случится потом,
врежется в нас навсегда.

Этот издательский дом —
камень и ком паутины:
только бы выдохнуть ОМ,
только бы выдохнуть ОМ
и не делить пополам
ради пустой середины.
Здесь безопасна — одна
встреча с мореновым дном.

Смерть не осталась в стране
с пурпуром собственно родов.
Осень всесильна во сне.
Осень всесильна во сне.
Внемлющий горьким шумам
всех неудачных походов
к небу выходит лицом,
даже спиною к стене.

***

На выдумки тоска неистощима
По заводи, по выходу за край,
Да нет, не то... Реальность ходит мимо.
Я видел рай. Земной — я видел рай.

Над площадью тревожного вокзала
Незримо там висит соборный свод,
Там всё на свете коротко и мало —
Как перепад и полуоборот.

И только сон на зимнем сеновале
Разносит в брызги правильный гранит,
И милостиво ставит нас в начале,
Под занавесом плачущих навзрыд.

И только сон ведёт по солнцепёку,
Смывая время тёплым молоком,
На палубу к остывшему востоку,
Под паруса с малиновым флажком,

Где талый свет за лучшими вещами
Не различает точек на оси
И ангелы под мокрыми плащами
Крылами шелестят... Ещё спроси...

РЫБА

Взгляни, какие способы и свойства
В глубинах горьких вод утверждены,
В какие бесподобные устройства
Кальцит и фосфор нежно сложены.

Когда бы в мире были только рыбы,
Мы, верно, в них достаточно б нашли
Для веры оснований и сочли бы
Избыточной прикрасою Земли.

Земля, вода — и небо над людьми,
И рыба — меж землей, водой и небом...

***

В моём представлении грань — это ровная площадь,
Что доброй и твёрдой верстой разделяет обрывы,
И если угодно, здесь можно выгуливать лошадь,
А нет — так выращивать розы и чёрные сливы.

Но вовсе тут нету тугой геометрии плаца,
На миг возле неба гранитные оползни стали,
Не больно, поверь, и до смерти на грани остаться
И встретить конец, удивляясь, как в самом начале.

По-моему лучшее — всё происходит на грани:
Далёкие волны, поёт до рассвета цикада.
И кто из двоих погибает по горло в тумане,
Ты — после наверно узнаешь. А мне — и не надо.

***

Ты станешь вольным скалолазом,
Под южной полночи стеклом
Слезящимся, но храбрым глазом
Бездонный мерящим разлом.
И в бликах льдистой поволоки
Ты шторм обвала переждёшь,
Вися на цепком альпенштоке,
Надёжном, как цыганский нож.
По хрусталям и белой глине,
Швыряя вес на вервь и штырь, —
Туда, где блещет на вершине
Созвездьям вровень монастырь,
Ты попадёшь, ползком, за шагом
Продуманный свершая шаг,
Оставив дольним бедолагам
Труженье ради скудных благ.
Иным опутанный расчётом,
Врастёшь душою в чудеса,
Откинув облако с лица,
Надбровным залитого потом...

***

Вителлий в Нарнии, утративший Кремону,
В поту холодном, ужасом объят,
Глядит в глаза злосчастному шпиону,
А в них костры несчётные горят
И флавианцев бронзовые тени
Витают в смутном громе, и кружит
Меж небом и слезами чёрной тучей
Сонм оголтелой мерзости летучей...
«Казнить его», — Вителлий говорит.

Весь римский мир захлуздал в эту пору:
Гражданских неурядиц вязкий груз
Империю, вцепившуюся в гору,
Спускает вниз — и рушится союз
Счастливых граждан с жирным принципатом.
Историю дурацкую творя,
Свалив жрецов, ругающихся матом,
Сбивает бык сосуды с алтаря...

Такая, бл..., цитата из Тацита.

***

Привольно света пастухам
Бродить по новому раздолью —
По облакам и ворохам
Над талой ослабелой болью
И заводить ребячий счёт
Земным уродствам и красотам
С предсущих воздуху высот,
За предпоследним поворотом,
Где плотно сходится туман
Над планом клиники и морга
Пред шагом в горний океан
И воплем первого восторга.

***

Так холодно во сне от океана
Земной всепожирающей воды!
К нам на берег уверенные пьяно
Гремят и прут зелёные гряды.

Идут валы на скалы, стены, льдины,
По плану звёзд и вороту луны,
Храня под грудью крайние глубины —
Убежища кромешной тишины.

Ещё бы не мерещились в потоке,
От коего нигде спасенья нет,
Тритоны, раздувающие щёки,
Ундины, затмевающие свет

И разум смертоносною красою!
Отсюда жизнь? Отсюда ткань телес!
И разве море дымной полосою
Не лжёт о тайне истинных небес?

Любовь и соль, и Соль помимо Слова —
Равно в основе яви или снов.
И смутна ценность нашего улова,
И волны обступают утлый кров.

***

От ощущений вездесущих
Спасает лишь беззвучный ряд...
О говорящих и поющих
Такие ужасы дымят,
Такой решён удел позорный,
Такой обол им в зубы дан,
Такой надрочен рукотворный
Над их трудами истукан,
Что заразительное тщанье
Во рту сшибающихся слов
Страшней, чем вечное молчанье
Отроду мёртвых языков.
Но жить во мне не перестанет
Весь этот шепот или крик,
Пока единственная тянет
За намозоленный язык
Надежда, что, начав осанной,
Достигнет мной рожденный звук
Тоски, слепой и безымянной,
Как курда нищего дудук.

***

В сновидении кит
шёл бесшумно, спокойно, частями...
Нависала земля
над широкой и мутной водой,
И пути разбегались
лететь в перевернутой яме
За Полярной звездой,
неподвижной, с кулак золотой.

Рассудительный друг
доложил о питательном жире,
Что заложен вките
во спасение бедных пловцов,
И беспечно я внял
ужасающей правде о мире,
Запирающем в точку
протяжность божественных слов.

Я качал головой,
но не знал ни конца, ни начала.
Между тем, и во сне,
в заколоченном доме моем
Пробужденье, как смерть,
много знать о себе не давало,
В женском роде, в плаще,
с потайным ледяным фонарем.

***

Да нет, я не боюсь,
и ради этих самых
обыкновенных слов
иду в июнь, холодный
от опустевших труб,
от мокрого разрыва,
влезающий ужом под воротник
заветный месяц в хлёстком перекрестьи
ветвей болотных,
в гром поганых ведер,
в чердачный слёт голодных голубей,
в кошмарный двор, заросший, как могила,
в бедлам и пыль подкошенной веранды,
в постель, едва скреплённую теплом,
накопленным во тьме от тела за ночь,
в кухонный чад, в родные голоса,
лениво заплетающие ругань
с яйцом разбитым, беглым молоком,
в давно эмалированный кофейник,
наполненный обыденной бурдой,
в безденежья тупую безнадёгу,
в подушку, вспять —
разуй глаза — в туду,
куда меня частенько посылали,
иду-иду, любимые, иду...

***

Жара приходит из Алжира.
Тебе ли этого не знать,
Во сне успевшему полмира
До полусмерти увидать?

Она идёт бескрайным валом
От лунно-белого песка,
Сгоняя шахским опахалом
На скучный север облака.

Её надводная морока
Нежна, порочна и жестока,
И задыхается Эол,

Когда в себя его завертит
Жары нагруженный до смерти
Тяжёлым золотом подол.

***

Предчувствие луны меня не обмануло,
И кто-то, обходя надоблачную высь,
По плану своего прозрачного посула
Назначил облакам до света разойтись,
И буквица в строфе перечила заглавью,
Подкинув в вышину косое остриё,
И я стоял во сне, ошеломлённый явью,
Объятья разведя и глядя на неё.

***

Спасенья нет от белой этой глины!
Навязла в пальцах, помыслах, кустах,
В тяжёлый ком скатала именины,
Замкнула вдохновение в устах...
И где мне взять иную злую ткань,
Чтоб натянуть, прошить, обезопасить
На запросто изогнутом каркасе
Твоих прикрас решительную скань?
Где жилы те, что могут послужить
Основой восхитительному звуку,
Ложащемуся в ухо, словно в руку —
Жемчужная разомкнутая нить?
Где улица, зима и лес вокруг
Брожения в умах и разговорах?
Где окна, утопающие в шторах,
И лыжных палок крепкий перестук?
Всё, верно, там — в крамольной тишине,
В белье твоём, духах, губной помаде,
В высокой заколдованной ограде,
Во сне, моя любовь, во сне, во сне...

***

Медсестра отрезала мой страх
под стеклом и сталью отголоска,
у неё на сахарных устах
возлежала снежная полоска.
Медсестра стерильной красоты
в тайнике прохладного халата,
вдоль дороги — долгие бинты,
в поднебесье — взрывчатая вата.
Жар снотворный в кровь мою вошёл,
день овив стремительною тьмою,
мужество моё в дощатый пол
пало лбом с молитвою немою —
и очнулось утром налегке,
ощущая с пульсом понемножку
на души подвздошном узелке
медсестры шершавую ладошку.

***

В связи с далёким самолётом
И я сквозь изморось лечу
Со звоном, свистом, заворотом,
Под стать футбольному мячу,
К земле припав неосторожно,
К воде озёрной и речной,
Сырым шнуром зашит надёжно,
Прострочен нитью ледяной.
И держит вес моя охота
В душе у тела под пятой —
Ещё успеется в ворота
С небесной сеткой золотой.

MUSEUM-II

Ты глух, как пень, и слеп, как крот,
бессильны доктора:
я поведу тебя вперед, —
сказала мне сестра.
Мы оттолкнулись от земли,
отбросив силы зла,
и ввысь решительно пошли —
единая стрела.
И стал орлиным я пером,
свистящим на ветру,
и мнил калёным остриём
стрелы свою сестру.
Мы проскочили облаков
горящий в солнце пар —
из плоти мертвенных оков
нас вырвал их пожар.
Утратив точку, нуль и счёт
и меру позабыв,
вперёд и ввысь, ещё вперёд,
за воздуха обрыв,
за стратосферы заревой
сиреневую грань...
— Сестра, я всё ещё живой?
— Оставь меня, отстань!
Спасибо нашему Отцу
за этот Выходной,
за верность спицы колесу
в машинке заводной.
Тебе я больше не нужна —
ведь здесь такая высь,
где каждый сам себе струна —
звени и серебрись!

***

Ухожу в цветок, открытый нежным разворотом.
Зарываюсь в холодные лепестки, вбирая самородную свежесть утра.
Вступаю в лабиринт изгибов и складок необъяснимой ткани.
Вдыхаю летучий шафран шмелиного убежища.
В цветок, в цветок, раскидав по столу чистейшие брызги!

Всё глубже и глубже, забраться туда, заблудиться.
Потерять, позабыть остальные пути.
По приблизительной спирали в слагаемый ею бутон
ввинтиться, втереться, без лишнего груза,
без мысли в голове, без крови в сердце.

Омывая невесомою влагой ещё горячие ступни,
сбирая горстями сладчайшие атомы ботанической истомы,
опускаюсь в розы разлом стоустый,
в тюльпана багровую пропасть,
в хризантемы запёкшийся снег.

На вашем полуслове исчезаю, как сон,
как шпилька, упавшая в пруд:
бум! дзынь! — и нет ничего.
Не догнать вам меня ни звуком, ни взглядом,
не достать меня там, в тишине и тени...

***

Не то на ты, то на вы, но иногда хочется бесстыдно твердить:
«Ты-ты-ты! Ты, милочка, ты. Я к тебе обращаюсь!»
А другой случай — подходишь, склонившись
под тяжестью списков, реестров, правил идолопоклоннических
и не знаешь, с чего начать, и выдыхаешь голосом пропавшим:
«О вас, по вас, по вам то есть, за вас душой и телом...»
А в списках — все эти ягоды ваши:
земляника, черника, ирга, смородина,
инеем покрытые, сахаром, молоком,
крыжовник ещё, полосатый, лиловый, колючий...
А в реестрах — все эти травы твои:
шалфей, бархатцы, зверобой, кровохлебка,
цикорий — свернётся, развернётся, ромашка тоже.
А в правилах — звери за образец:
пляшут, извиваются, ползут, говорят непрерывно —
как любят тебя, какая вы красавица,
лучше всех остальных, которых и вовсе нет на свете!

2

***

Я могу разглядеть
и услышать те вихри тепла,
что летят на тебя
над сырой благодатной землёю,
шелест листьев и звон
разведённого в окнах стекла,
и садовый прирост,
обеспеченный доброй золою.
Драгоценный мой друг,
ты заботишься там обо мне,
мокрый заступ вонзая
под белый запутанный корень
и рисуя круги
на сухой известковой стене,
чтоб отвадить вдали
невесомо летящее горе.
Не страшась, ты ступаешь
на тот же, на общий наш склон
по измятой странице
из рисовой грозной бумаги.
Ты снижаешься... нет,
ты сплетаешь словесный заслон,
на ветру расправляя
молитвы крахмальные стяги.
Я могу разглядеть
даже смирное пламя в губах,
каждый звук, если звук,
приближаясь к бесчисленным силам,
рассекает крест-накрест
зимы отступающий прах,
точно ливень, что хлещет
по крышам домов и могилам.

***

Тоньше воздуха — путь,
по которому надо пройти...
Но и этого мало:
змеиная кожа сравнений
шелушится — и ложь
заметает с пяти до шести —
я не знаю, утра или вечера —
тайну растений.
Тоньше мысли, летящей
на рваную рану огня —
не костров пионерских,
а тех золотых пулемётов,
что стоят наверху,
с беспорядочным лаем храня
переходы по льду
на свободу от вечных
расчётов.
Тоньше око минующих
пущенных страхом лучей,
чьим верчением начат
суконный глагол «просекаю»,
что бы там ни блистало
в физической сумме вещей,
накипевшей и сбитой
бульдозером к ровному краю!
Что бы там ни легло
в часовом пограничном песке,
тоньше воздуха — путь.
И ещё бы тут не было ясно,
что придется лететь,
не позавтракав, так, налегке —
в полной мере постигнув
механику слова «напрасно».

АНАТОМИЯ

Теплее от руки
прижатая страница...
Гляжу на позвонки,
глубокие, как лица,
а сдвинув ткань и снасть —
на внутренние мощи,
и атомная часть
чья целого не проще.
Любуюсь на кишки,
прямые и кривые —
как звёзды, далеки
их трассы кольцевые!
На лезвие моргнув,
глядь — вот оно застыло,
горячей крови — уф! —
живое мотовило...
И как, не знаю, внять,
уверовав не ложно,
сей мрази, слитой в стать
столь страшно и тревожно?

***

Собаки на земле. Их выцветшая масса —
Дыханье, блохи, шерсть, пустые потроха —
Как мёртвая, лежит. Наверно, теплотрасса
Невидимо идёт под ними, и труха
Сухого торфа вьёт игрушечные смерчи
В проталинах, уже по-летнему сухих,
И кажется, что в них чумазый эльф заверчен
На собственных двоих, на крылышках косых.
Возможно, где-то здесь рождается медведка,
Толкая влажный прах, загородивший свет,
И чудом, в почву вот-вот воткнутая ветка
Вытягивает мёд и млеко в разноцвет.
И что ещё вокруг роится и творится,
Замучаешься звать, взлетая на метле,
В тепле, пыли, грязи — чиста, как голубица,
Разнявшая крыла на свистнувшей стреле.

***

Стрижи снесли крылами гром
В свои невидимые щели,
И в предстояньи грозовом
Фасады резко посветлели.
И ты, лицом к лицу дождя,
Легла на сеть моей прилуки,
За сердцем ревностно следя
В его шатающемся стуке.
И всюду небо влажный клин
К земле метнуло, глядя в оба,
И шевельнулся, тронув нёбо,
Сирени сладкий нафталин.

***

Сильней от холода охота,
Когда ломая носом лёд,
В холодном небе Камелота
Летит усталый самолёт.
И мрак разваливая мерзкий,
Пурпурный вспыхивает глаз,
А за штурвалом спит имперский
Доднесь непревзойдённый ас.
И сон его наполнен воем
Подбитых вражеских машин
В огне с цигейковым подбоем,
В воде с мельканьем рыбьих спин,
Худые щёки гладко бриты,
Кресты сияют на груди,
И, в кожу мёртвую залиты,
Чернеют руки впереди.
Но не пике ему подводит,
Не штопор — полную черту,
Земля пути не загородит
На звёзд отъявленном свету,
Не жди, сжимая эти строфы
В одетых золотом резцах,
Обыкновенной катастрофы,
Переходящей в мокрый прах!
Условий транспортной задачи
Тебе никто не повторит.
Наверно, женщина — заплачет.
Возможно, Бог — заговорит.

PIN UP

Ты — в белом платье, в контровом
Лукавом свете,
Мечтая вспять не ни о чём,
А о балете.
Твоя талантливая плоть —
Не ноги-руки:
Ещё способна отколоть
Такие штуки!..
Под каждым па — морозный наст
И птичьи кости...
Пусть балетмейстер-педераст
Умрёт от злости,
Когда все замыслы его
На половине
Столь не мужское естество
В звезду задвинет,
По звёздам выплясав свой путь,
По брызгам крови...
Так у кого тут козья грудь
И зад коровий?

***

Наверное душа моя — внутри,
хотя и не подверженная тленью,
но связанная, там, где снегири
клюют со снега время по мгновенью
и кровь играет вволю над землёй,
и кажется замок на тайной дверце
загадкою мучительной и злой,
и где-то рядом — дышащее сердце.
Во времени ответчик и истец,
в присутственном душа томится месте,
и где-то под — потёмки и багрец,
и где-то над — горит нательный крестик...

***

Взметая над зеленью моря золу,
Над миром раскинулась синяя сила...
Мне снилась моя Оппозиция Злу,
И Зло побеждало, но не победило.

Голодные волки ступали за мной
По мху потаенных до свету решений,
И шерсть их воняла холодной весной
В течении трех предпоследних мгновений.

И путь уходил в постепенный песок,
Сводивший на нет колеи и ухабы.
От верной погибели на волосок
Спешили на помощь учёные крабы.

И мчался мне в голову огненный шар,
Подернутый белым калением с краю,
Но темной волной заливая пожар,
Я молвил с улыбкою: — Всё отменяю...

И вот, по сухому полярному льду,
Сдавая, мерзейшая мощь заскользила...
Мне снилась моя Оппозиция Злу,
И Зло побеждало, но не победило.

***

У меня сверчок под боком
И луна горит во лбу,
Облака худым потоком
Мчат по небу, как в трубу.
Вьются жилки на запястье,
Запах семени — в паху...
Боже мой, какое счастье
Растирать часы в труху!
И конечно за границей,
Там, где воздуху взамен
Душу вздует мне сторицей
Песнопений вечный плен,
Ты останешься за мною,
Кинув тело вдалеке
С чёрной бабочкой ночною
На бесчувственной щеке.

***

Ивану Жданову

Я знаю всё — как связанный язык,
И мог бы проболтаться, скажем, спьяну,
Но не скажу — никто ведь за язык
Меня не тянет, сам себя не стану
Тем более, тем боли избежав...

А впрочем, вот. Из чёрных чемоданов
Небытия (родство — не баловство!)
Однажды в Барнауле вышел Жданов,
И сделалося всё вокруг него
Неждановым. Спустя десятилетье,
В Нежданове на свет случился я.
Местоименье — то же междометье,
Глагол в сердцах — и вовсе колея!
Минуло сорок лет... Чего вы ждёте?

А впрочем, вот. Над Швецией паря,
Не Жданова ли спящим в самолёте
Пересекла история моя?
Не Жданову ль мы с Курицыным водки
Плеснули в одноразовый стакан?
И стих пробил, как молния, короткий:
«По-моему, под нами океан...»

По-моему, под нами океан.

***

Стоит распасться домам
В мокрую снежную крошку,
В сумерки хлипкие нам
Кажется: всё — понарошку.

Слово начнётся на «че» —
Ну, например, — и готово:
Оспа на мокром плече,
Облачко пыли медовой.

Светит подзорная даль
В точном кристаллике глаза,
Но заслоняет деталь
Всю перспективу, зараза!

Тысячекратно милей
Родины там или славы
Родинка в тайне твоей,
На половиночке правой.

***

Сообщений сегодня не будет,
а только мороз,
чья брусничная ярость
сильнее воздушных потоков,
чьё строение из —
разнесённых по яблоку блоков
и на девять параграфов
делится трудный вопрос...

И прекрасно. Пускай
обломает на льду каблуки
нынче утром до горла
уже достающая слякоть,
что готова, упав,
подниматься по новой и плакать
по пути с берегов
полноводной и мутной реки.

Сообщений сегодня не будет,
а только повтор,
повторение на ночь
знакомых до чёртиков сказок,
ради этой и той
всевозможно счастливых развязок,
от души — чистой правде
весёлый и злой приговор.

Я и новой зиме
корабельное дно засмолю.
Все подробности — тут,
после лета, пропитого вкратце.
Да и нечего нам
в холодильнике горном бояться:
Разве жарче ещё
от простуды тебя полюблю.

***

Продолжим, моя дорогая.
Не вечность же всё-таки век:
Отскочит задвижка тугая —
И всем ещё выйдет побег.
И даже холопам безверья
Изношенной мысли взамен
Пожалуют чистые перья —
Вот так, от рамен до колен.
Ровняя поляну и гору,
На все возраженья в ответ
Обхватит собой без разбору
Теплеющий утренний свет
Любовно — подумаешь, дело! —
И душу, и уж заодно
Больное по памяти тело,
И куполом скажется дно.
Опустишь — а пение взмоет,
Святая моя простота!
Заплачешь — а Бог успокоит...
Поднимешь — а чаша пуста...

***

Дальше — дольше, близ — короче,
Псы сердито говорят.
Первой тёплой майской ночи
Сладок банный аромат.

Спит вокруг опасный город,
Я не сплю — дышу и рад,
Счастлив, что не тесен ворот, —
Слава Богу, не солдат.

Есть огонь, а в кружке — влажно,
Живы тёплые слова.
Остальное всё неважно,
Всё зелёная трава.

И обноски, и обновки
Разлетятся по пути,
Петли, пуговки, подковки...
Не запомнить, не найти.

Влюблены и плачем — мало, —
Второпях и позабыв,
Что как раз любви начало —
Там, где в сумерках обрыв.

***

Что там, что там в тонком теле
Ты за гранью подглядел?
Мы с тобой на самом деле
Здесь у Бога не у дел?
В соответствии с расчётом —
Трассы звёздные точны —
Света белым поворотом
Оба в сумрак сведены?
А потом, как только... То есть,
Где ни только, ни потом, —
Что там — новая ли повесть?
Или ясен Божий гром?
Правда, ангелов мы выше?
Точно, сами всё решим?
Захотим — опять задышим
И под гору побежим?
Ни сомнения, ни боли,
Рядом — разве невзначай,
Разлетимся в горней воле?..
.....
Нет, молчи, не отвечай.

***

Да взять и припомнить такое,
Чего не бывало вовек...
Тропа убегает в левкои,
Во свет, не смыкающий век,

И сквозь громыхание стройки
Невидимо чертят маршрут
Какие-то белки и сойки,
Они приведут, не соврут.

Тут порохом пахнет погода,
Но храм — несмотря ни на что,
Успеем на борт парохода
В холодных от ночи пальто,

Вот только у входа склонимся
И службу в свечах отстоим...
Наверно, друг другу мы снимся,
И всё это снится двоим —

Прощание с чахлой землёю,
Дождинка висит на носу...
Не бойся, я еду с тобою.
Ложись, на руках донесу.

***

Морозец ударил не крайний —
По верху, по веткам пока,
И всем улыбаются втайне
На Рая краю облака,
Поскольку достаточно — просто
На воздух теперь нагишом,
И сладкая жизни короста
В божественный ляжет излом.
Наверное, хватит и часа
В простудной пыли постоять,
Чтоб рядом наметилась трасса,
Минуя евклидову стать,
И тайна спокойно открылась
Теперь же, без чисел и слов,
И ясная тихая милость
Взяла ежедневный улов.

***

Утро вечера точно
бывает стократ мудреней,
Если ночью не спал
от любви и бессмертного страха,
Если днем накануне
в ограде коротких теней
На верёвке, как снег
задыхаясь, не сохла рубаха.
И ещё — за окном
по колено в бродячем вине
Находилась луна,
если вовремя к ней приглядеться,
И стрижи, разгоняясь,
встречались на той стороне,
Где уже и не боль,
но от сумерек некуда деться.

***

Операторы всяческой связи наверно мертвы,
Самолёты упали, исполнив приказ Владислава,
Поезда не идут — между шпалами листья травы,
На подходе зато раскалённая снежная лава.

Наступает зима — вот и всё, невозможно скрывать...
Уж и стражу знобит по ночам у ворот Эльсинора,
И спасением кажется с чёрной овчиной кровать,
И решением — сна безвоздушная, впрочем, опора.

Ну и что? Ничего. Если целая жизнь коротка,
Разве длинным могло быть на днях облетевшее лето?
Чем стремительней счастье, тем более вера крепка.
Угасание дня — обнаженье источника света.

***

Нерусского слова «сиеста»
Сияет разбойничий нож.
Сухое прохладное место —
Ты всё ещё, значит, живёшь...

Пускай от безделья с размаху
По рельсам ударит мороз
И дымом пролётную птаху
На небо взметнёт паровоз,

На стыках ночная работа
В бессонницу сердце забьёт —
Всё лучше песка и болота,
Верней, чем лесной переход.

Пускай даже душу зажали
Ладонями с пульсом виски —
Всё значит, не всё мы сказали
И живы себе вопреки.

Уж поезд подходит к вокзалу,
Залепленный инеем сплошь.
Давай же, брат, мало-помалу...
Какого ты чуда-то ждёшь?

***

День в синем и белом —
Осенний мороз.
Меж небом и телом,
Ещё не до слёз.

Иду себе, нежась,
На снос головы
Сквозь винную свежесть
Отсохшей листвы.

Иду себе с песней —
Флажки на отлёт.
Нельзя мне на месте —
Провалится лёд.

Нельзя мне на месте —
Затопчется снег.
Ведь козыри — крести
На выпавший век.

Дела наши плохи,
Хочу — не хочу...
Помедлю на вдохе —
Сейчас полечу.

НЯНЯ

Смени бинты, подай мне пить,
Возлюбленная няня,
Вели кошмару отступить,
Иглой без нитки раня.

Пускай мерцает у плеча
Смертельная примета,
Ты, няня, не зови врача —
Он спит, наверно, где-то.

Пускай наука отдохнёт,
Вопрос откинув жгучий,
И дрёмы примет сладкий гнёт
На всякий праздный случай.

Пускай оставит нас вдвоём
Под пологом пустынным!
Уж мы, я знаю, не уснём
Таким же сном невинным, —

Покуда не сведём на нет
Всю клинику любовью,
Пока не явится рассвет
С левкоем к изголовью.

ИОСИФ В ВЕНЕЦИИ

Пространство сжимается.
Это — готический факт.
Иосиф, я знаю:
не слушая — всё же ты слышишь.
В Венеции ржавой,
зеркальной и зассанной... *fuck!*
Ты призрак теперь
и на медное моросью дышишь.

Пространство сжимается
в девственный свой уголок —
Со временем, точно
с волнистой чулочной резинкой,
Безветренно стиснутой —
«Нет, перестань!» — и поток
В тебе замирает,
как белая мышь под корзинкой.

Пространству до лампочки?
Ну же, Иосиф, колись!
Молчание призрака, впрочем, —
как речь гегемона.
Молчи, если хочешь,
а если не хочешь — молись.
Не Богу, конечно, —
второму закону Ньютона.

А я и не помню,
где первый теперь, где второй:
Я знание предал —
да ну его на фиг — народу.
Ведь знание — сила.
А то, что оно — геморрой,
С тобою ушло
под венерину грязную воду.

***

Королевская конница,
знаешь, — отнюдь не толпа,
И не знак, и не образ.
Ну, символ — с воздушного шара.
Там дворяне ж сплошные!
А ты что решил? Шантрапа?
Погляди вон туда,
где под деревом труп комиссара...

Видишь, как
на январском рассвете горят
каждым там волоском
перед битвой холёные крупы...
Да не пшёнка, балда,
не овсянка, тебе говорят, —
лошадиные жопы!
О, как же вы все-таки тупы!

А мундиры — гляди! —
серебро и краплак на снегу...
А монетные каски
с тяжелыми злыми хвостами!
В три секунды каре
на скаку развернулось в дугу,
облака нешутих
смертоносных рассеяв местами.

И над этой дугой,
остриями качнув небеса,
поднялись молоньём
вурдалаки заточенной стали...
Вот когда повела
ненаглядная жизни краса!
Вот когда бы и знать
запредельные корни печали!

Да осталось-то чуть,
вот и вся королевская рать
шевельнулась и вмиг
развернула на флангах знамёна.
Всё узнаем сейчас.
На границе степного разгона
слышен горн золотой...
Неохота тебе умирать?

***

Когда я лечу в Калифорнию, время — вперёд
Мотает быстрее свои золотые колёса,
И жизни прозрачный, поскольку невидимый, ход
Тринадцать часов отпускает, как воду у плёса...
Как воду у плёса теряют на дне берега,
И — что за вопрос? — направленья уже не нащупать.
Скажу мексиканцу: «Ку-ку, кареку, курага»,
И станем вдвоем налету над Атлантикой хлюпать.
Он тоже, наверно, скучает — по чёрной земле,
И по обстоятельствам, равным той утренней ране,
В чём мать родила его, лёжа на тёплой золе,
А может, напротив — неважно — на мокром диване...

Когда я лечу в Калифорнию — просто во сне —
Ты станешь смеяться — в пропахшем блевотиной АНе, —
Вселенский обман, открываясь в мучениях мне,
Становится пеной в игрушечно лёгком стакане.
И, глянув соседу в лицо, по движению губ
Внезапно читаю и вслух для тебя повторяю:
Пустое — надеясь на рай, ну, хоть как-нибудь с краю,
Без веры цепляться за вбитый в скалу ледоруб!

СОНЕТ

конец апреля — запахом земля
дождю навстречу мокрая взлетела
сюда наверх на пристань корабля
на тайный остров временного тела
задев широким птиц на проводах
но лёгким ветра парусного взмахом
рассеяла родительница страх
пред каждому грядущим этим прахом
прямоугольно вспоротым окном
отменена болезненная стужа
и на рассвете ясно мне за сном
чуть под ногою льдиной хрустнет лужа —

весны жива погибельная новь
как к Богу в сердце путника любовь

***

Закаркала, сука, ворона,
Когда в предрассветную тьму
Мальчишечка прыгнул с балкона,
Бог знает его, почему.

Уныния током ударен,
Вспорол он пространство собой
Не хуже, чем Юрий Гагарин,
Но молча и вниз головой.

И несколько молний-мгновений, —
Как будто, зажмурив глаза,
Всё это придумавший гений
В уме утопил тормоза, —

Увязли, остыли, застряли
И так не спеша потекли,
Как леса подвижные дали
По влажному лону Земли.

И так замерцали нездешно,
Как засветло, знаешь, звезда, —
И все прояснилось, конечно,
Да поздно уж — вот же беда!

***

Благодарю и за то, что нарушен мой сон.
Боли послушен, привыкну к забвения квоте.
Лёжа во тьме, я подслушаю дождь на излёте:
Капель небесных в ответ на мольбу перезвон.

Небу обычно и впрямь — до земных ли морок?
Вроде бы ясен огонь основных откровений...
Но широка и вода Богоданных сомнений —
Как бы её одолеть-то в отпущенный срок?

Благодарю и за всякий попутный пустяк —
Запах бумаги, весны нерешительный холод...
Ради чего от Тебя я так больно отколот?
Ради каких мимолётных по-всякому благ?

ВОСКРЕСЕНИЕ

Он убит в позапрошлом эоне,
Где в живых уж и воздуха нет
И не солнце — на сером картоне
Хмурых блёсток иссеченный свет.

Современники плачут и рады,
Оттого что и в ум им нейдёт,
Кто замучен от пошлой досады
Оловянным укусом в живот,

Кто лежит с провалившимся веком,
Кто не глядя летит в небеса,
Оставляя невидимым рекам
Все земные свои голоса...

Над бордовым и бронзовым гробом
Достоевский восходит звездой —
И заводит с бандитским ознобом
Рэп, на тысячу лет молодой.

И Василий Андреевич тоже,
Романтический выкатив глаз:
«Пушкин умер же, Господи Боже!
Зонне руссише дихтунг погас!»

И студенточки в беличьих шубах,
Бездыханные, в обморок — бах!
И у питерских смерчей беззубых
Оседает пурга на губах —

Потому что зима с разворота
Ударяет морозным столпом,
Потому что живи — неохота —
Поводырствуй при глухо-слепом!

***

Росток решительной любви —
За что, не знаю,
Возьми меня, останови!
Запоминаю —
Одно, другое, десять лиц,
Двенадцать, двадцать...
Мои минуты — вроде спиц:
Блестят и длятся.
И душу сладко тянет сон
В подвох предела,
Через онейрокритикон
К обрыву тела...
Душа предвидит холода,
Но веселится.
Мне снятся люди навсегда,
Навстречу лица,
И в каждом свой счастливый час
И день погожий,
Инакий ход, особый глаз,
А образ — Божий.

***

О! Не над теменью
бдящий на крылышках мент —
Ангел-хранитель
меня научил убегать:
Вниз — и на воздух,
наружу в последний момент —
Чтобы на темени
волосы после не рвать.

Да и не Ангел —
про Ангела это я вру —
Мой однокурсник,
на голову выше меня,
«Стасик Пампура»
его называли в миру.
Как-то теперь называют,
в излучине дня?

Он удалился,
но прячется тут, на Земле,
Где-то в обители,
болен, — я слышал, — но чем?
Ходит ли? Ходит!
Касаясь Небес, по земле.
Молится Богу,
меня и не помнит совсем.

Вот уж практически
тридцать не виделись лет —
Молодость наша
сегодня глядит стариной.
Грязи-то было! И дряни...
А всё-таки — Свет!
Всё-таки Ангел
неслышно парит надо мной.

***

Набери себе черт незнакомых,
Будь, к примеру, в бурнусе араб...
Чем же лучше-то мы насекомых,
Я не знаю, там рыб, или жаб?

Почему в этой повести плотной,
Где меняют объём на объём,
И в толпе безобразно животной
Мы друг друга легко узнаём?

И во тьме, где ни слуха, ни духа, —
Точно счёт на двоих заведён:
— Алекс, ты? Ну и фарт! Ну и пруха!
— Тише, Юстас, не надо имён.

А не важно — во тьме с именами,
На свету ли без имени нем, —
Всё известно давно между нами:
— Ты куда, в Вифлеем? — В Вифлеем.

И втроём нас не так уж пугают
Вонь и гомон, и скрежет рогов!
Окружают? Пройдём. Настигают?
Мы помолимся, брат, за врагов.

КОНКОРДЫ

В душе моей — осень и снег уже лёг на листву,
И папа — живой, мы сближаемся с ним понемногу.
Четыре конкорда врываются вдруг в синеву,
И двое по центру пытаются сесть на дорогу.
Пытаются сесть, но при этом встают на попа
И в землю уходят, как в снег, раскалённые сопла
И я ужасаюсь — тому, что фортуна слепа,
И воздух гармошкой за окнами морщится тёплой.
Конкорды не сели — конкорды уже взорвались!
Мгновение, два — и, наверное, ровно на третье
Над улицей нашей, вращаясь, куски понеслись
И женского визга в затылок впилось междометье.
Напротив накрыло пылающей белой трубой
И сразу, как вафлю ладонью, сложило хрущевку.
Осколок поменьше, отбросивший свист за собой,
Бордовой кометой трамвайную срыл остановку...
.....
Четвёртый осколок волною закручен в юлу,
Мне в лоб он летит, столкновение неотвратимо!
Но я неподвижен, я лбом прислонился к стеклу.
И жду. И молюсь. И надеюсь, что всё-таки мимо...

***

Свет, не меркни. Снег, не тай.
Станем выше понемногу.
Добрый вестник, передай
Наши чаяния Богу.

Оттолкнув ногой окно,
Унеси в иное дело,
Как во сне или в кино,
Всё, чего душа хотела.

Всё, что в нашей нищете
Мы за годы намечтали, —
Тёплый чайник на плите,
Шумный поезд на вокзале...

Или нет, наоборот —
Сквозь мерцанье занавесок
Неба медленный разлёт,
Низом — холм и перелесок,

Слева — город, а вдали —
Порт и чередой несметной
В тишине дрожат рассветной
С парусами корабли.

***

Я был в параллельном міре,
Нечаянно вход отперев,
И там соглашенья о мире
Достигли не США и РФ,
А милостью Божьей Россия,
Любимая нами до слёз,
И Патриа-о-муэртия.
— Обмыть бы? — Да ну, не вопрос!
Мы с Бобом вдвоём или с Джоном
(Прекрасный мой друг и моряк)
Взлетаем, и в море зелёном
Нам виден эсминец «Варяг».
Но мы на него не садимся,
По мостику чиркнув слегка,
Проносимся, взмыв, и кружимся,
На юг потеснив облака.
И голос бесплотного гида
Мне на ухо так говорит:
«В движении этого вида
Вне тела душа воспарит».
И точно — весёлое дело! —
Мой гид оглушительно прав.
Но я ещё чувствую тело,
На палубу «Линкольна» пав,
И друг мой не духом единым
Чеканит старательно шаг
По чисто надраенным длинам,
И хлопает по ветру флаг.
Внизу, в корабельном закуте
Нам честь отдаёт часовой,
А за полночь в тесной каюте
В вине мы плывём с головой.
Служивые девы с помадой
На тоненьких нежных губах
Целуют меня... — Канонада?!
— Салют. Всё в порядке... — Ба-бах!
.....

На утро в тумане особом
Не кровью пахнёт от Земли —
Мы с Джоном... Нет, всё-таки с Бобом
Сознательно к этому шли,
Катились, летели и плыли,
Начальство гневя токо так,
И — Господи! — мы победили,
Прекрасный мой друг и моряк!

***

Такое уж тут окаянство —
Прислушайся только: «Земля» —
Без времени — нету пространства,
Без тяжести — нет корабля.

И всё превращается в брашно —
Где рожь, там, известно, и ржа, —
И по-настоящему страшно,
На сердце-то жить положа.

Тут — синие чащи волнами,
Там — море бушует в ногах.
То Бог объявляется с нами,
То сгинет на время в Крестах.

То верою дух лихорадит,
От радости пьяный идёшь...
То трезвый рассудок осадит —
Как в стену гранитную дрожь!

Глядишь на простора убранство,
А мысли уже не о нём...
Такое уж тут окаянство
И до смерти мал окоём.

***

Сквозь осени воздух
доносится песня трамвая:
Он выкусил оси
в своих параллельных оковах —
И просится, сволочь,
лишь изредка переставая,
Из древних моих сновидений
во внутренность новых.

А стрелы к семи
приближаются неумолимо,
Вот-вот — и настигнут,
взрывая в буфете тарелки.
Какие такие?
Часов, что ни разу не мимо.
И ты не задобришь
стрелков ударением «стрелки».

И утро настанет,
и слух по-мужски тебе тронет,
По снегу шагнув
босиком в колокольной рубахе,
И небо трамваю
на крышу лавину уронит,
Беззвучную, впрочем,
безвидную даже во прахе.

Сквозь осени воздух
вонзается в стороны свету
Иллюзия мира,
игра золотыми словами...
Глаза открываю
(а глаз в перспективе-то нету) —
И заново мой окоём
наполняется вами.

***

Не виден и в полдень застывший зенит,
А всё-таки затемно утро звенит,
Со стёкол пыля холодком на кровать.

И ведь, по закону, не надо вставать,
Поскольку под сорок уж рухнул прогноз.
Зевнуть бы и снова — под ватное нос...

Но нет! Выключателя влажным щелчком
Взрывается лёд и спекается в ком,
И радио гимном стреляет в висок,
И щётка влезает в зубной порошок...

Об утреннем свете свечей в шестьдесят
Не помнят, не плачут и не говорят —
Замотаны шалью до инея глаз,
По снегу шагают морозному в класс.

Я тоже, туда же — отлично упрям,
Шагаю к прекрасной моей Мариам.

Нас четверо в классе, но — камень с души —
Открыта нам страшная тайна «жы-шы».
Нас четверо в классе опять и опять,
А ведь не обязаны были вставать,
И просто уже ни к чему говорить,
Что живы и этого не отменить.

***

Как же я счастлив был, в новую въехав квартиру!
В окна глядел, к потолкам примерялся руками.
Выстроил книги по полкам из пыльных коробок.
Штепсель в розетку — в углу оживил радиолу.

«Голос Америки» слушал, развесив антенну,
Музыки ради, а всё остальное — в придачу.
Пищу ночами искал в холодильнике тёщи —
Наш-то сперва пустовал, возвышаясь поодаль.

Гадких вещей не голубило это пространство —
Било за промахи током, грехов не спускало.
— Брось-ка ты пить, — мне сказала квартира однажды.
— Всё ещё куришь? — недавно с ехидцей спросила.

Молимся Богу с весны по её наущенью.
Может быть, так за ремонт нам добром отплатила.
В этих стенах нам любимого внука зачали —
Боже ты мой! — и сюда принесли из роддома...

Знаю, что лет пятьдесят — и меня здесь не будет.
Грустно, конечно. Да нечего, братцы, поделать.
Снова куда-нибудь с Ларой вдвоём переедем.
Вот бы повыше, где тише и воздух почище!

ЦВЕТ СНЕГА

Вернулась, собственно, лишь тень —
Не до побега.
И говорили мы весь день
О цвете снега.

Небесный снег стерильно бел —
Когда украдкой
Ныряет в участи предел,
Земной, несладкой.

Он бел — и всё: ни тли, ни зги,
Таким назначен.
И ты, учёный, нам не лги,
Что снег прозрачен!

Он кристалличен? Да, увы,
Стеклопечален,
Скользнув кромешной синевы
Со наковален —

Он с детства женщиной любим,
Убит, ухожен,
Под солнцем вымаран любым —
И невозможен,

Как ты да я...

***

Саше Калужскому

Меса Верде, Колорадо.
Зрелый бисер анасази.
На хера нам, Саша, надо
Это солнце в синем глазе?

Можжевельник Меса Верде,
Пыль и жар съедобной хвои...
И опять по тонкой жерди
Молча двигаются двое.

Тут и там повальной тьмою
Бьёт один с плеча по свету —
Антимонием, сурьмою,
В лоб себе суя «беретту».

А другой, в небесной тверди
Раскачав собою кольца,
В Колорадо, в Меса Верде,
Обломав, кидает Штольца.

Нет ни склада им, ни лада,
Что ни слово — право вето.
В Меса Верде, Колорадо —
Свет один, а тьмы-то нету.

***

Во сне перевернуть Верлена — пустяки:
Не снег песку — песок на солнце равен снегу...
А наяву — стою у замершей реки,
И нет песка, и снег — препятствие разбегу...

И нет весны в лесу на мартовском пути,
Отпущен сумрак нам антверпенскою мерой,
И скрыты все ключи, ан велено — лети!
Куда? — А хоть куда, хоть в облако фанерой...

Да только облака — плакат, «Аэрофлот» —
Здесь тоже вертикаль, завитая щипцами.
Меж соляных столпов, пошатываясь, Лот
Неправедно бредёт в раздоре с Небесами,

И времени в обрез... Я повторяюсь, да?
Но времени в обрез, и это навсегда.

НОВЫЙ ГОРОД

Забытые люди в роскошных зато котелках
И серых вуалях — задрав потемневшие лица —
Туда, где стеною стоит цеппелин в облаках
И падает в море безмолвием сбитая птица
И в синем Гудини сидит сундуке под замком
Над пропастью смога и радугой в плёнке залива
И трупом воняет паром, пробивая гудком
Полуденный сон зеленеющей воли на диво.
Забытые люди, забитые до одного
Следы заметающим до крови долбанным веком,
Сияют и плачут, в звезду предавая родство
С лекалом обета, кормящего мёдом и млеком.
Но здешняя воля — всё по фиг — не глядя на них,
Стоит слепошаро в своей гелиозной короне
И по небу факелом шарит одна за троих,
И гасит грозу рукавом пустотелой фелони.

СТИМПАНК

Светит ли паром разбить наступающий хаос?
То есть — подумай-ка! — возгнанной в небо водою...
(С телом воды я живу в непрерывном союзе —
Тело воды во мне медленно теплит лампаду)

Видишь утопленный маленький бронзовый клапан —
Свищ рукотворный в загадочно точной латуни?
Трогать его даже кончиком пальца не вздумай!
Может к нему прикасаться лишь Главный Механик.

Или вот этот — гляди — позолоченный вентиль...
Если его на себя повернуть до отказа,
Сзади пружиной откроется угольный ящик —
С вензелем крышка — забавно: за вентилем вензель...

Два рычага запускают форсунку подачи,
Левый — помалу, а правый — для полного хода.
Стартера кнопка... секунду... под медной заслонкой...
Вот она — выглядит, точно серебряный слиток.

Если ее надавить при отжатом сифоне,
Вспыхнет от искорки облако угольной пыли,
Стопора анкер откинется — надо же! — тут же,
Восемь шагов совершат сорок три шестерёнки,

И маховик, разгоняясь отчаянным ахом,
В тесной корзине пилота над миром поднимет —
Бедный смельчак устремится решительно кверху,
Сбросив песок на лицо любопытным селянам...

Черный штурвал потянуть на себя и добавить —
Чтобы не видеть до ночи постылую землю,
Чтобы обман у истоков дождя растворился...
Чтобы скорее лететь уже на хер отсюда.

ФЕЙЕРВЕРК

— А в огненном деле, товарищ, важна подготовка!
На правильно выбранном месте леса и опоры...
Пыжи — не репейник, и пороху ровная совка,
И ямы — так ямы, а горы — так верные горы.
И если не хочешь, чтоб ногу тебе или руку,
А то и башку, полыхнув не по делу, сорвало,
Покуда я жив, изучай подрывную науку:
Лихая беда тут — конец, а терпенье — начало...
Небось и не знал ты, что царь не по-нашему — кайзер?

— О чём ты, папаша? Совсем уже съехала крыша?
Хлебни-ка вот лучше от донышка барский «будвайзер».
— Как звать-то? — Неважно. — Приятно. А я — дядя Миша.

Салюты, ракеты, фонтаны и римские свечи...
Мгновение света — и вся врассыпную краса.
А больше сегодня ответить-то Небу и нечем
На всё ещё вечно земные Его чудеса.

***

Дым утренней хмари
Вдувая в аорту разбегу,
На медленном шаре
Навстречу тяжёлому снегу,

На мокром, как плети
От крови казненного даве,
В натуженной сети,
В железно-отвязной оправе,

Отрезав скорняжным
Канат за штыков частоколом,
По воздуху влажным
Мазнуть на прощанье подолом...

— А! Lasciami fare! —
Багром опрокинув телегу,
Под шаром, на шаре,
Губами по цепкому снегу.

— Куда ты, проклятый,
Куда? — неизвестная взвыла.
Коровы, солдаты...
И молнии Крестная Сила!

***

Я понял о смысле, прижав золотистые клеммы
Под утро с бутылками в сетке меж крышами вброд,
Когда воробьи застегнули свои гермошлемы
И гравий скребнули, предчувствуя полный улёт...

Подумаешь, край! Сикоморы и мокрая глина.
Подумаешь, высь! Я и так достаю до луны.
И вижу на бреге далёком дворец Аладдина,
И сны мои ныне, как северный ветер, ясны.

По сахарным стенам с прожилками чайного света
Ползут альпинисты, пытая штыри с бечевой,
И вся недолга, и такая тут где-то примета —
Надёжная, хоть и невидимы камни с травой.

И вся недолга, и попыток отныне — без счёту.
Всё ясно, мой ангел? Тогда заводи пароход.
Пора на работу. Ах нет? Ну тогда на охоту,
На танцы с красоткой, предчувствуя полный улёт.

Я понял о смысле, который всегда за границей,
За контуром вещи и вещим до вечности сном.
И вспыхнули крылья... И вспыхнули? Нет, не годится.
Зажглись и не гаснут в обещанном небе ином.

СИБИРСКИЕ СТАНСЫ

любую вот же чудо тишина
погасит речь в итоге золотая
тем более подлёдные листая
течения уверенность смешна

ты знаешь не отныне красоту
все наши безобидные баклуши
за пар морозный вьющийся во рту
нам вложены в глаза живые души

по берегу высокому на том
реки заиндевелой белом склоне
на томи томск а омск омоет ом
и волосок в моём одеколоне

из прошлого гостиничный покой
и радио и штепсель неудобный
для бритвы бля истории подробной
раздробленной разваленной такой

и заметённый временем бульвар
беды во тьме немедленной победы
вполпьяна здесь не неба ли полпреды
не кемера ли угольный угар

***

В самосвале — наша мебель:
Переезд, пожар, расчёт...
Белый шрам в закатном небе
Лёгкий тянет самолёт.

Вот и я, конечно, тоже —
Не теперь ещё, потом —
Полечу далёко лёжа
Над Землёй сухим листом.

По мучительному крыжу
Окунусь в речной вокзал —
Моря белого не взвижу,
Только чёрное видал.

Путь без времени прямее...
Только, Боже, как же так?
Вечность знака не имеет —
Негде к ней приставить знак.

Всё ль уймёт она гурьбою
От сумы и до тюрьмы?
Даст ли быть собой с Тобою,
От кромешной прянув тьмы?

***

Семь — девять. За окнами в меру сычужно.
Прохлада — надёжный эскорт.
Троллейбус подходит, мне до смерти нужно
В заброшенный аэропорт.

Лет десять уже, как сюда не летают —
Упали под денежный пар,
И на керосина собаки не лают
Сдвигающий воздух угар.

Две—три остановки, кольцо — и по кругу
Всё тише всплывают слова.
А собственно, кто её слышал, белугу?
И кто она — рыба? Сова?

Семь — девять. Плюс — минус. Почти неприметно.
По стёклам не медлит вода.
Лет десять, как время мое кругосветно:
За пятницей ходит среда,

И скорость всё выше вдоль белых калений —
Для финиша нужен разбег
И полный отрыв от наземных видений,
И тени срезающий снег.

***

Георгий со мною — на дивном и белом своём,
В багровом воскрилии бодрой своей плащаницы,
И солнце — щитом в небосводе над ним золотом,
И наискось — Враг под копытом едва уже мнится.

Георгий со мною — и грешному делу слабо,
И даже когда замыкаю тяжёлые вежды,
Я, кажется, глаз и во сне не спускаю с Того,
Кто теплит во тьме огонёк негасимой надежды.

Георгий со мною. И в муках меня не предаст.
Плечом ощущаю плечо его в твёрдом доспехе...
Трещит под бесплотною силой на зимнике наст,
И ангелы валят земные недолгие вехи.

ДЕВОЧКЕ В ЖУРНАЛ

Столбы шатают спьяну ржавый провод,
В златую дрожь уводит осень лес,
И падает в труху последний овод.
Но держится усталый свет Небес...

Усталый свод разбавленной лазури,
Громады золоченьем отведя,
Уже не предусматривает бури,
Но радугу прочертит из дождя.

И рады бы продлить мы эту пору,
От нежности сменившую язык
И плавно утекающую в гору —
Со снегом ноября в кипящий стык,

Да тихий стук нагих в предзимье веток
Уже под утро мнится за окном
И грустью продиктованных заметок
Всё гуще сеть в блокнотике твоём.

***

Вода нас в тень и тьму смывает
Из толстой башни городской,
Тепло под воду убывает,
И снится улица рекой.

Вспоров калением границу,
Огонь подводит нам черту:
Ещё распад в золе дымится —
Уж пепел стынет налету.

Сгребая счастье и напасти
В единый мартовский навоз,
Земля вбирает наши снасти
Навеки, медленно, взасос...

Зато хоть воздух не морочит —
Обыкновенно, поутру
Он воскресение нам прочит
И должность — в Небе, на ветру.

ДОЛЖНОСТЬ В НЕБЕ

Да — Дэ и О, и Эль и Жэ,
Продолжить жить, NN, на ости!
Летя не в бестелесной рже
Сорочьей строчкой на погосте,
Но в Е и Бэ, NN, прости,
Но в Небе — сказано же выше —
Не в гордой воле, а в горсти,
С гурьбой согласных в светлой нише.
Не тра-ля-ля и у-лю-лю
В строке рассеивая зычно,
А так: люблю, люблю, люблю... —
Неловко и косноязычно.
И правда, истина — в вине...
Ты ничего не должен мне.

***

Воздух пахнет прохладным пределом огня.
Ничего необычного, выход — вплотную.
И шатает, но более — тащит меня,
Как всегда по весне, в полынью прободную.

Предварительный миг — не бывает мертвей —
Повисает, протяжные сделав замеры,
И на трещинах в небе стоящих ветвей
Первосветом играют нездешние сферы.

Вдох и выдох — в хрусталике боль поверчу —
И по новой к дождю и теплу привыкаю.
Неужели «сказал» означает «молчу»?
Нет, еще говорю... Нет, уже умолкаю...

Содержание

«Я слышу времени излишек...» (*В. Месяц*). 7

1

Банный день 19
Старый дом 20
Керчь 21
«Мы ждали елки, Рождества...» 22
Знаменитый Гирландайо 23
Знаменитый Тициан 24
Знаменитый Коро 25
Знаменитый Вермеер 26
Знаменитый Давид 27
Знаменитый Джорджоне 28
«Мы с тобой задремали в пути...» 29
Обморок 30
Нафталин 31
Прогноз погоды для Даниила Хармса 32
«Тепло и тьма и пыль...» 33
«Через ночь — самолёт, нитка в чёрную бусину вдета...» 34
«Стук и звон — телега с клетью...» 35
Русская душа. 36
«Здесь ничего не даст античных стёкол...» 37
«В частых бурунах опутаны пряжей корыта...» 38
«Зима наступает внезапно...» 39
Чук и Гек 40
«Мне кажется, что детства моего...» 41
«Раб медной лампы — на свободе...» 42
«Обогащенье сулит обнищанье...» 43
«Уже везут в грузовике заиндевелых ёлок...» 44
«О, тряпками сгущающие тени...» 45
«И только мысли о пощаде...» 46
Путешествие местоимения 47
«Из-под груди под вьюгу кринолина...» 48
«Призрачен мир: у заснеженных гор переправа...» 49
«Саяно-Шушенская ГЭС простёрлась на востоке...» 50
«Скипидар, солдатик, перепонка...» 51
«В голландском городе зима...» 52
«Точно в солнечной соломе...» 53
«За тихой занавеской на печи...» 54
«Ты видела во сне пожар...» 55

«Сошли мы с пулковского трапа ...» 56
«Часы тихи и постепенны...» 57
«За полярным кругом тайны...» 58
«Снова ночь, и падающим словом...» 59
«Над Е, над деревом надежда...» 60
Колыбельная для принца 61
Скорбная элегия 62
«На выдумки тоска неистощима...» 63
«В моём представлении грань — это ровная площадь...» 65
«Ты станешь вольным скалолазом...» 66
«Вителлий в Нарнии, утративший Кремону...» 67
«Привольно света пастухам...» 68
«Так холодно во сне от океана...» 69
«От ощущений вездесущих...» 70
«В сновидении кит...» 71
«Да нет, я не боюсь...» 72
«Жара приходит из Алжира...» 73
«Предчувствие луны меня не обмануло...» 74
«Спасенья нет от белой этой глины...» 75
«Медсестра отрезала мой страх...» 76
«В связи с далёким самолётом...» 77
Museum-II 78
«Ухожу в цветок, открытый нежным разворотом...» 79
«Не то на ты, то на вы, но иногда хочется бесстыдно твердить...» 80

2

«Я могу разглядеть...» 83
«Тоньше воздуха — путь...» 84
Анатомия 85
«Собаки на земле. Их выцветшая масса...» 86
«Стрижи снесли крылами гром...» 87
«Сильней от холода охота...» 88
Pin up 89
«Наверное душа моя — внутри...» 90
«Взметая над зеленью моря золу...» 91
«У меня сверчок под боком...» 92
«Я знаю всё — как связанный язык...» 93
«Стоит распасться домам...» 94
«Сообщений сегодня не будет...» 95
«Продолжим, моя дорогая...» 96
«Дальше — дольше, близ — короче...» 97
«Что там, что там в тонком теле...» 98

«Да взять и припомнить такое...» 99
«Морозец ударил не крайний...» 100
«Утро вечера точно...» 101
«Операторы всяческой связи наверно мертвы...» 102
«Нерусского слова «сиеста»...» 103
«День в синем и белом...» 104
Няня 105
Иосиф в Венеции 106
«Королевская конница...» 107
«Когда я лечу в Калифорнию, время — вперёд...» 109
Сонет 110
«Закаркала, сука, ворона...» 111
«Благодарю и за то, что нарушен мой сон...» 112
Воскресение 113
«Росток решительной любви...» 114
«О! Не над теменью...» 115
«Набери себе черт незнакомых...» 116
Конкорды 117
«Свет, не меркни. Снег, не тай...» 118
«Я был в параллельном міре...» 119
«Такое уж тут окаянство...» 121
«Сквозь осени воздух...» 122
«Не виден и в полдень застывший зенит...» 123
«Как же я счастлив был, в новую въехав квартиру...» 124
Цвет снега 125
«Меса Верде, Колорадо...» 126
«Во сне перевернуть Верлена — пустяки...» 127
Новый город 128
Стимпанк 129
Фейерверк 130
«Дым утренней хмари...» 131
«Я понял о смысле, прижав золотистые клеммы...» 132
Сибирские стансы 133
«В самосвале — наша мебель...» 134
«Семь — девять. За окнами в меру сычужно...» 135
«Георгий со мною — на дивном и белом своём...» 136
Девочке в журнал 137
«Вода нас в тень и тьму смывает...» 138
Должность в небе 139
«Воздух пахнет прохладным пределом огня...» 140

Аркадий Застырец

ОНЕЙРОКРИТИКОН
стихи разеых лет

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Макет и верстка Валерий Земских

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 20.11.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г, Москва, 2-й Кожевниковский пер.,12